

С. А. БУРЛАК, С. А. СТАРОСТИН

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Допущено

*Министерством образования и науки Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика»
направления подготовки дипломированных специалистов
«Лингвистика и новые информационные технологии»*

УДК 800(075.8)

ББК 81я73

Б915

Рецензенты:

кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Воронежского государственного университета
(зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор *А. А. Кретов*);
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института языкознания РАН, член-корреспондент РАЕН *А. В. Дыбо*

Бурлак С. А.

Б915 Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 432 с.

ISBN 5-7695-1445-0

Учебник представляет собой развернутое изложение идей, методов и достижений современного сравнительно-исторического языкознания с привлечением большого фактического материала языков разных семей. Приложение содержит классификацию языков мира, а также серию лингвистических задач. Книга может быть использована как для ознакомительного, так и для более глубокого изучения компаративистики.

Для студентов лингвистических и филологических факультетов вузов. Может быть рекомендовано для специалистов в области лингвистики, а также для всех, кто интересуется сравнительно-историческим языкознанием.

УДК 800(075.8)

ББК 81я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

ISBN 5-7695-1445-0

© Бурлак С. А., Старостин С. А., 2005

© Издательский центр «Академия», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сравнительно-историческое языкознание (лингвистическая компаративистика) — наука, занимающаяся сравнением языков с целью установления их родства, их генетической классификацией и реконструкцией праязыковых состояний. Основным оружием сравнительно-исторического языкознания является **сравнительно-исторический метод**, позволяющий эффективно решать эти задачи.

Сравнивать языки можно по-разному. Так, одним из наиболее распространенных видов сравнения является типология — изучение типов встречающихся языковых явлений и обнаружение универсальных закономерностей на различных языковых уровнях. Однако сравнительно-историческое языкознание занимается только сравнением языков в генетическом плане, т. е. в аспекте их происхождения. Таким образом, для компаративистики главную роль играют понятие родства языков и методика установления этого родства. Генетическая классификация языков — аналог биологической классификации видов. Она позволяет систематизировать все множество известных человеческих языков, которых насчитывается около 6000, сводя их к сравнительно небольшому числу языковых семей. Результаты генетической классификации представляют интерес для целого ряда смежных дисциплин, прежде всего этнографии — ведь возникновение и развитие языков теснейшим образом связано с этногенезом (возникновением и развитием этносов).

Реконструкция праязыковых состояний — чрезвычайно специфическая область, близкая к палеонтологической реконструкции. Результаты лингвистической реконструкции — бесценный материал для историков и археологов, поскольку из них можно извлечь немало информации о жизни людей в далекие дописьменные эпохи.

Настоящая книга ставит своей целью не только изложить основы методики сравнительно-исторического языкознания, но и продемонстрировать читателю результаты и проблемы сравнительно-исторического изучения языков большого числа различных семей. Для иллюстрации отдельных положений компаративистики приводится материал не только индоевропейских, но также уральских, алтайских, северокавказских, картвельских, койсанских, австронезийских и других языков. В приложении к книге приведена генетическая классификация языков мира.

В этом кратком курсе мы, естественно, не можем описать и даже перечислить все достижения компаративистики и сосредоточимся только на самом основном. Кроме того, недостаток места не дает возможности проиллюстрировать самую существенную сторону деятельности компаративиста — работу с большими массивами данных. Иллюстративный материал по необходимости краток и в большинстве случаев не претендует на то, чтобы предоставить читателю возможность самому досконально проверить излагаемые теоретические положения.

Книга может быть использована как для ознакомительного, так и для более углубленного изучения компаративистики. Освоение материала облегчается при предварительном знакомстве с основами лингвистики (хотя бы в рамках курса «Введение в языкознание»); в то же время изложение построено так, чтобы даже читатель, вовсе не знакомый с лингвистикой, мог — при некотором трудолюбии — самостоятельно во всем разобраться.

Тем, для кого обращение к данной книге станет первым знакомством со сравнительно-историческим языкознанием, а также тем, кто использует ее для подготовки к экзаменам, будут полезны выделение в тексте полужирным курсивом основных понятий, вопросы и задания, дающие возможность проверить, насколько хорошо усвоен материал соответствующей главы, а также пояснения употребляемых (но не определяемых) терминов в предметном указателе и приводимый на с. 307–314 список используемых символов транскрипции (с объяснением их чтения).

Читателям, ставящим своей целью совершенствование собственных знаний в данной области, предназначаются помимо основного текста глав дополнительный материал, а также задания для размышления, ориентированные на творческое применение усвоенных методов и теоретических положений. В ряде случаев эти задания содержат формулировки реальных проблем, не получивших пока в компаративистике общепринятого решения, и тем самым могут представлять интерес не только для студентов, но и для специалистов-лингвистов.

В рубрике «Библиографическая справка» (см. список условных обозначений на с. 6), имеющейся в конце каждой главы, содержатся указания на наиболее крупные или представляющие специальный интерес работы по тематике главы. Они могут быть полезны для более глубокого изучения соответствующей области. Отметим, что работы, перечисленные в этой рубрике, никоим образом не представляют собой списка обязательной литературы.

Тем, кто преподает сравнительно-историческое языкознание, будут полезны не только вопросы и задания, которые могут быть использованы при подготовке экзаменационных билетов, но и приведенные в приложении лингвистические задачи по компаративистической тематике. Эти задачи являются самодостаточными,

т.е. не требуют никаких предварительных знаний, и позволяют студентам самим (хотя и на специальном образом подобранном материале) открыть те или иные языковые явления. Многолетняя практика использования самодостаточных задач в преподавании различных лингвистических дисциплин показывает, что информация, «добытая» самостоятельно, в частности в ходе решения таких задач, запоминается гораздо лучше. Эти задачи, в отличие от заданий для размышления, имеют единственное решение. Наличие ответов к задачам не является препятствием для их использования в преподавании, поскольку при оценке того или иного решения следует обращать внимание прежде всего на то, как оно обосновывается, а эта информация в приводимых ответах отсутствует. При использовании в качестве экзаменационных вопросов заданий для размышления следует иметь в виду, что, поскольку они не предполагают однозначного, «единственно правильного», ответа (а некоторые и вообще пока не имеют решения в мировой науке), оцениваться должен в первую очередь уровень аргументации.

Авторы выражают глубочайшую благодарность Владимиру Ивановичу Беликову, Анне Владимировне Дыбо, Илье Борисовичу Иткину, Алексею Александровичу Кретову, Тимуру Анатольевичу Майсаку, Ольге Александровне Смирницкой, Якову Георгиевичу Тестельцу, Владимиру Семеновичу Фридману и Андрею Болеславовичу Шлуинскому, которые прочитали этот текст в рукописи и не только сделали множество ценных замечаний, но и оказали большую помощь в написании некоторых разделов. Мы сердечно признательны Альберту Игоревичу Давлетшину, Юрию Александровичу Ландеру, Александру Юрьевичу Милитарёву, Илье Иосифовичу Пейросу, Владимиру Александровичу Плуныану, внесшим ряд уточнений и дополнений в раздел о генетической классификации языков мира, В. А. Терентьеву, Г. К. Бронникову, В. Ю. Гусеву, А. С. Касьяну, Ю. Б. Корякову, К. Г. Красухину, С. В. Кулланде, В. В. Мельникову, Ю. Х. Сирку, Г. С. Старостину, А. В. Циммерлингу и другим коллегам, чьи замечания и консультации способствовали улучшению текста этой книги, а также И. Ф. Бурлак и А. Н. Бурлаку за неоценимую техническую помощь на завершающем этапе работы. Особая благодарность нашим учителям: Арону Борисовичу Долгопольскому, Владимиру Антоновичу Дыбо, Андрею Анатольевичу Зализняку и Вячеславу Всеволодовичу Иванову, чьи труды внесли огромный вклад в компаративистику (и языкознание в целом).

Первоначальный вариант книги был написан при содействии фонда «Открытое общество» Дж. Сороса, грант номер Н1Е719 (1998 г.).

Главы 1.1—4.2 написаны совместно обоими авторами, над главой 4.3 работала С. А. Бурлак.

Условные обозначения

— библиографическая справка.

— вопросы и задания.

— дополнительный материал.

— задания для размышления.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО

ГЛАВА 1.1

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА

I. Понятие языкового родства. — II. Типы сходств между языками. — III. Важность определения критериев языкового родства. — IV. Определение языкового наследования. — V. Язык с точки зрения его носителей. — VI. Преимущество лексики перед грамматикой при определении языкового родства. Базисная лексика. — VII. Слословный список Сводеша. — VIII. Гносеологическое определение языкового родства. — IX. Проблемы исследования бесписьменных и младописьменных языков. — X. Степени языкового родства.

I. Ключевым понятием для сравнительно-исторического языкознания является понятие языкового родства — без него невозможны генетическая классификация языков и почти никакие исследования в области языковой истории. Согласно определению, данному классиком компаративистики Антуаном Мейе, «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше» [Мейе, 1907/1938, 50]¹. Ср. в современном учебнике компаративистики Р.Л.Траска (на примере романских языков): «Мы считаем романские языки родственными, что означает, что все они первоначально были всего лишь региональными диалектами единого языка-предка» [Trask, 1996, 179].

Из подобного определения естественным образом вытекает концепция генеалогического древа и языковой дивергенции (т. е. распада единого языка-предка на языки-потомки) как основной модели исторического развития языка. Ср. у М. Рулена: «Генетические классификации... прослеживают генеалогию языковой семьи от языка-родителя к языкам-потомкам» [Ruhlen, 1987, 2].

Большинством ученых принимается при этом модель генеалогического древа как классического одновершинного графа, в ко-

¹ В квадратных скобках даны ссылки на работы, помещенные в списке литературы в конце книги. После фамилии автора даны годы издания: перед косой линейкой помещен год выхода работы в свет, после нее — год выпуска цитируемого издания. Курсивом выделены номера страниц.

тором два и более узлов могут иметь единого предка, но никакой узел не может иметь более чем одного предка. Хотя эта модель и оспаривалась в ряде работ, она является наиболее распространенной, и абсолютное большинство генетических классификаций языков построено именно таким образом.

Делая утверждения о языковом родстве, исследователи часто апеллируют либо к интуитивной очевидности такового, либо просто к неясному представлению о «сходстве». Так, А. Мейе писал о языках индоевропейской семьи: «Языки хеттский, “тохарский”, санскрит, древнеперсидский, греческий, латинский, ирландский, готский, литовский, древнеславянский, армянский представляют в своей грамматике и лексике явные сходства» [Мейе, 1907/1938, 48; см. также: Ruhlen, 1987, 12–14].

II. Следует отметить, что внешнее сходство каких-либо знаков (т. е. слов или морфем) в двух или более языках может быть обусловлено различными причинами: случайным совпадением, заимствованием и, наконец, общим происхождением. Сходство, независимо возникшее в результате приспособления к одинаковым условиям, в лингвистике (в отличие от биологии) исключается, поскольку языковой знак произволен [см.: Соссюр, 1931/1977, 100], т. е. означаемое связано с означающим лишь в силу традиции (ср. у А. Мейе: «Определенные соответствия, существующие между различными языками, отнюдь не обусловлены общечеловеческими свойствами, но могут быть объяснены лишь при допущении существования конкретной исторической традиции» [Мейе, 1907/1938, 18]).

Для других языковых элементов это может быть не так. Например, сходство в артикуляции губных согласных в самых разных языках связано с общностью строения губ у представителей различных народов. Тенденция к тому, чтобы выражать грамматические значения лексическими средствами, нередко бывает обусловлена языковыми контактами: если грамматические системы контактирующих языков различаются настолько, что говорящие испытывают трудности при «переводе» с одной из них на другую, получают распространение модели, обходящие эти трудности за счет замены аффиксов отдельными словами.

III. На наш взгляд, имеет смысл различать, как это сделано в недавнем курсе лингвистики А. Я. Шайкевича, онтологический подход к языковому родству («Родственные языки — это разные временные и пространственные варианты одной и той же непрерывной лингвистической традиции» [Шайкевич, 1995, 198]) и неосеологический подход (т. е. доказательство языкового родства). Ср. у У. Леманна: «Сравнение различных языков привело к предположению о том, что некоторые языки родственны, т. е. развились из общего источника» [Lehmann, 1992, 6].

Продемонстрировать факт языкового родства, базируясь исключительно на онтологическом подходе, можно лишь в том случае,

когда праязык исследуемых языков засвидетельствован письменными памятниками и удастся четко проследить историю развития от этого праязыка к языкам современным. Но таких случаев известно не столь много. В большинстве случаев языковое наследование и родство нуждаются в обосновании, а следовательно, необходимо процессуальное (гносеологическое, по А. Я. Шайкевичу) определение языкового родства.

Особую значимость вопрос о критериях языкового родства и методах его доказательства приобретает в макрокомпаративистике, т. е. при разработке гипотез о так называемом «дальнем» (или «отдаленном») родстве. Это связано с тем, что «отдаленно родственные» языки объективно находятся на гораздо более далеком расстоянии друг от друга, чем в семьях типа романской или даже индоевропейской. Сходство затмевается тысячами независимого развития и не является очевидным даже для специалистов. Так, в последнее время снова активизировались дебаты по поводу существования макросемей — прежде всего так называемой ностратической семьи языков.

Невнимание к методике доказательства языкового родства приводит к тому, что на практике проблема существования языковых семей в каждом отдельном случае решается голосованием: реальность славянской семьи, индоевропейской семьи, картвельской семьи и т. д. признается не только славистами, индоевропеистами, картвелистами и т. д. соответственно, поскольку подавляющее большинство специалистов в этих областях считают соответствующее родство доказанным. Существование алтайской семьи вызывает — в том числе у тех, кто не знаком с алтайским языковым материалом, — сомнения, поскольку не все специалисты по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам согласны с тем, что алтайские языки родственны друг другу. В то же время, например, гораздо более слабо разработанная гипотеза о единстве афразийских языков является фактически общепризнанной.

IV. Прежде чем говорить о языковом родстве, имеет смысл дать определение языкового наследования. Если бы язык развивался в полной изоляции, не имея контактов с другими языками, можно было бы ожидать, что его более раннее («праязыковое») состояние (А) и более позднее состояние (В) будут связаны системой правил, при помощи которых:

- а) все фонемы состояния В выводятся из фонем состояния А;
- б) все морфемы состояния В выводятся из морфем состояния А;
- в) все лексемы состояния В выводятся из лексем состояния А;
- г) все грамматические и синтаксические правила состояния В выводятся из соответствующих правил состояния А.

На практике, однако, эти условия никогда не выполняются в точности. Фонемы (и даже целые их ряды) могут заимствоваться,

например: в русском языке заимствованной (из византийского греческого) является фонема *φ*, индоарийские языки заимствовали из дравидийских так называемые «церебральные» согласные (*d*, *t*, *dh*, *th* и *ṅ*). Иногда установить источник появления в языке новой фонемы бывает затруднительно — так, до сих пор не вполне ясен вопрос о происхождении праславянского *x.

Второе и третье условия выполняются только на множестве морфем и лексем, сохранившихся при переходе от А к В. Часть морфем и лексем неизбежно теряется, а взамен часто возникают новые, например в результате разнообразных заимствований. Так, современный китайский язык (его пекинский диалект), по-видимому, не сохранил ни одной грамматической морфемы древнекитайского языка. Можно констатировать, что за период непрерывного развития в три тысячи лет грамматическая система китайского языка полностью перестроилась (за исключением разве что основных принципов порядка слов). Сходных примеров можно привести множество — от современных новоиндийских языков до современного английского языка.

V. Отметим, однако, что даже столь сильная перестройка грамматической системы нимало не затемняет «очевидности» языкового наследования: едва ли кто-нибудь усомнится в том, что современный китайский язык является потомком древнекитайского, а современный английский — древнеанглийского. Преимущество лексики перед грамматикой при определении тождества/различия языка осознается даже людьми, не имеющими образования. Можно сказать, что с их точки зрения язык делится на «собственно язык» и «манеру выражаться». К «собственно языку» относятся звуковые оболочки языковых знаков, заучиваемых в целом виде, — слов и морфем. Все остальное — фонетика, системы фонологических оппозиций и грамматических категорий, синтаксис, семантика отдельных слов — считается «манерой выражаться»¹. Подобный подход обусловлен тем, что в подавляющем большинстве случаев именно лексика дает людям возможность понять друг друга.

Для компаративистики это оказывается существенным, поскольку именно мнение (обычно неосознаваемое) носителей языка отчасти задает направление его развития: если, например, люди, говорящие на диалекте белорусского языка, по тем или иным причинам сочтут, что говорят «по-русски», их язык будет впитывать все больше и больше русских черт, и в конце концов они полностью утра-

¹ Это можно проиллюстрировать такими выражениями, как *Он говорит по-русски с акцентом*, *Он говорит по-русски неграмотно*, т.е. подмена фонетики (а зачастую и фонологии), равно как и подмена грамматики, не считается сменой языка. Зато на попытку заменить слова и выражаться, скажем, на сленге собеседник вполне может отреагировать репликой «Говори по-русски, пожалуйста!» Употребление слов в отсутствующих в русском языке значениях вызывает реакцию типа «Вроде по-русски говоря, а ничего не пойму».

тят белорусский язык и перейдут на русский [ср.: Беликов, 1989, 49—50].

VI. Итак, несмотря на всю важность грамматической структуры для языковой истории, мы все же не рискнули бы строить определение языкового родства на грамматических критериях. Кроме того, при изучении изолирующих языков возможность обращения к таким критериям просто отсутствует.

Таким образом, мы будем считать, что язык А является предком языка В, если:

а) все фонемы языка В (или их подавляющее большинство) выводятся из фонем языка А;

б) некоторая часть морфем (в том числе грамматических — если они есть) и лексем языка В выводится из морфем и лексем языка А.

Существенным здесь является вопрос о том, какова именно должна быть эта «некоторая часть». Ясно, что речь должна идти о тех морфемах и лексемах, которые в наименьшей степени подвержены заимствованию. Из морфем этому условию удовлетворяют прежде всего словоизменяемые морфемы, из лексем — те, которые относятся к так называемой «базисной» лексике. **Базисная лексика** определяется как противопоставленная «культурной», часто заимствуемой из языка в язык. К базисной лексике обычно относят слова, по возможности не зависящие от конкретной культуры и исторической эпохи и присутствующие в любом языке: основные термины родства, названия самых элементарных и универсальных явлений природы и природных объектов ('солнце', 'луна', 'ночь', 'вода', 'камень', 'земля'...), названия частей тела, числительные (по крайней мере, самые первые), простые действия и признаки ('знать', 'видеть', 'умирать', 'сидеть', 'стоять', 'белый', 'черный', 'далеко'...). Однако с отнесением каждого конкретного значения в каждом конкретном языке к базисной или небазисной лексике могут возникать разнообразные семантические и культурологические проблемы.

Строгое определение базисной лексики дать невозможно — едва ли не любое слово может быть при определенных условиях заимствовано: так, например, в лесном наречии энецкого языка местоимения второго (*ū*) и третьего (*bu*) лица заимствованы из кетского языка [см.: Терещенко, 1993, 348]. Существенно, однако, что вероятность обнаружить заимствование среди базисных слов намного ниже, чем вероятность найти его в области культурной лексики.

VII. На практике при сравнении языков часто пользуются словным списком базисной лексики, составленным в середине XX в. американским лингвистом М. Сводешем [Сводеш, 1960]. Вот этот список — мы приводим его в качестве стандарта по-английски, параллельно даем русский перевод, который не всегда точен в силу различия в семантике между русским и английским языками:

1. all	весь	35. green	зеленый	69. round	круглый
2. ashes	пепел	36. hair	волосы	70. sand	песок
3. bark	кора	37. hand	рука	71. say	сказать
4. belly	живот	38. head	голова	72. see	видеть
5. big	большой	39. hear	слышать	73. seed	семя
6. bird	птица	40. heart	сердце	74. sit	сидеть
7. bite	кусать	41. horn	рог	75. skin	кожа
8. black	черный	42. I	я	76. sleep	спать
9. blood	кровь	43. kill	убивать	77. small	маленький
10. bone	кость	44. knee	колени	78. smoke	дым
11. breast	грудь	45. know	знать	79. stand	стоять
12. burn (tr.)	жечь	46. leaf	лист	80. star	звезда
13. claw (nail)	ноготь	47. lie	лежать	81. stone	камень
14. cloud	облако	48. liver	печень	82. sun	солнце
15. cold	холодный	49. long	длинный	83. swim	плавать
16. come	приходить	50. louse	вошь	84. tail	хвост
17. die	умирать	51. man	мужчина	85. that	тот
18. dog	собака	52. many	много	86. this	этот
19. drink	пить	53. meat	мясо	87. thou	ты
20. dry	сухой	54. moon	луна	88. tongue	язык
21. ear	ухо	55. mountain	гора	89. tooth	зуб
22. earth	земля	56. mouth	рот	90. tree	дерево
23. eat	есть	57. name	имя	91. two	два
24. egg	яйцо	58. neck	шея	92. walk (go)	идти
25. eye	глаз	59. new	новый	93. warm	теплый
26. fat (n.)	жир	60. night	ночь	94. water	вода
27. feather	перо	61. nose	нос	95. we	мы
28. fire	огонь	62. not	не	96. what	что
29. fish	рыба	63. one	один	97. white	белый
30. fly (v.)	летать	64. person	человек	98. who	кто
31. foot	нога	65. rain	дождь	99. woman	женщина
32. full	полный	66. red	красный	100. yellow	желтый
33. give	давать	67. road	дорога		
34. good	хороший	68. root	корень		

В принципе можно было бы предлагать и другие списки. Существуют 200-словный и 215-словный списки Сводеша (и различные их модификации), список устойчивой лексики А. Б. Долгопольского и др. С. Е. Яхонтов предложил разделение стословного списка Сводеша на более устойчивую 35-словную и менее устойчивую 65-словную части (к сожалению, сама эта работа до сих

пор не опубликована; опыт использования этой методики см., например, в книге [Старостин С., 1991]). С. Е. Яхонтов использует модифицированный список Сводеша, из которого исключены значения: 'all', 'bark', 'bite', 'burn', 'claw (nail)', 'feather', 'lie', 'seed', 'warm', 'we'; вместо них используются: 'far' ('далеко'), 'heavy' ('тяжелый'), 'near' ('близко'), 'salt' ('соль'), 'short' ('короткий'), 'snake' ('змея'), 'thin' ('тонкий'), 'wind' ('ветер'), 'worm' ('червяк'), 'year' ('год'). В его 35-словный список включены следующие значения: 'blood', 'bone', 'die', 'dog', 'ear', 'egg', 'eye', 'fire', 'fish', 'full', 'give', 'hand', 'horn', 'I', 'know', 'louse', 'moon', 'name', 'new', 'nose', 'one', 'salt', 'stone', 'sun', 'tail', 'this', 'thou', 'tongue', 'tooth', 'two', 'water', 'what', 'who', 'wind', 'year'.

Не все слова стословного списка могут быть безоговорочно отнесены к базисной лексике. Например, в языках Океании нередко отсутствует «семантическая единица 'rog'... поскольку здесь не было рогатых животных» [Полинская, 1995, 119], «во многих самодийских языках не имеет специального лексического выражения» значение 'семя' [Хелимский, 1982, 38], для донеолитических языков (например, прауральского) к культурной лексике относилось слово 'собака', поскольку собака еще не была одомашнена. Тем не менее мы считаем использование списка Сводеша полезным, поскольку для сопоставимости результатов при сравнении различных языков чрезвычайно существенно оперировать некоторым фиксированным множеством лексики. Ясно, что для любой пары языков, обнаруживающих сходства, можно набрать свой список, доля сходжений в котором будет чрезвычайно велика. В таком случае все критерии родства окажутся размыты. Поэтому попытки предложить различные списки базисной лексики для различных, к примеру, географических ареалов не представляются плодотворными. Список Сводеша уже хорошо себя зарекомендовал на материале самых различных языковых семей, и кажется целесообразным сохранить его в качестве стандарта тестирования языкового родства.

В реальной практике (в частности, компьютерной) приходится считаться как с классическим списком (который уже обработан для очень большого числа языков), так и со списком Яхонтова. Поэтому, например, компьютерная система STARLING (см. с. 270—275) требует для каждого языка заполнения 110-словной анкеты. Для простоты мы в ходе дальнейшего изложения будем говорить только о «стословном списке», имея в виду список Сводеша. Все подсчеты совпадений в базисной лексике будут производиться именно по нему.

Легко показать, что любой романский язык в своем стословном списке сохраняет около 80–90 % слов, бытовавших в этом списке в прароманском (= латинском) языке. Любой современный славянский или германский язык в этом списке сохраняет порядка 80—

90 % слов, реконструируемых для славянского или германского праязыка, а любой современный индоевропейский язык — порядка 50 % слов гипотетического праиндоевропейского и т. п.

Заметим, что точное количество морфем (лексем), сохранившихся при переходе от праязыка к языку-потомку, задано быть не может. Это величина, связанная функциональной зависимостью с временем, разделяющим моменты фиксации соответствующих языков. Существуют, таким образом, различные степени родства (что, впрочем, интуитивно очевидно). Способы измерения лингвистического времени — отдельная проблема, которую мы будем разбирать в главе 2.1. Для нас сейчас важен сам факт высокой сохранности базисной лексики.

Возможна ли ситуация, при которой базисная лексика языка за короткий период заменяется на другую? Такие случаи известны и неизменно квалифицируются как смена языка. Несомненно, что базисная кельтская лексика в первые века нашей эры сменилась латинской на территориях современных Франции и Испании. Характерно, однако, что мы при этом называем французский и испанский языки потомками латыни, но не местных кельтских языков. Дело в том, что если уж начинает активно заимствоваться базисная лексика, то остальная лексика языка, как правило, проникается заимствованиями в еще большей мере. Этот процесс сопровождается и активным заимствованием грамматической системы, в результате чего от исходного языка фактически ничего не остается — можно констатировать, что соответствующий народ перешел на другой язык. Подробнее о том, что происходит с языком при взаимодействии с другими языками, мы поговорим ниже, в главе 1.4.

Случаи отдельных — и даже довольно многочисленных — заимствований в базисной лексике также известны. Ясно, однако, что число заимствований (по крайней мере, из одного источника) не должно превышать числа исконно сохранившихся лексем (иначе, как сказано выше, фактически происходит смена языка). Можно, по-видимому, сделать и более сильное утверждение: для того чтобы исходный язык продолжал существовать, осознаваясь носителями как целостная система, доля заимствований должна быть существенно меньше доли исконных лексем. Какова должна быть эта доля, в точности неизвестно, но, видимо, нельзя признать случайным тот факт, что среди многих сотен исследованных языков нет **ни одного** такого, в котором половина базисной лексики происходила бы из одного источника, а половина — из другого. Даже в языках, возникших как результат контактов (в так называемых пиджинах, подробнее о них см. с. 64—69), большая часть базисной лексики (около 70 %) происходит из одного языка.

Отсюда, в частности, следует вывод о невозможности «смешанных» языков в рамках классической модели генеалогического древа.

Любой язык может — в том, что касается его базисных компонентов, — иметь только одного предка.

VIII. Итак, дадим полное гносеологическое определение языкового наследования.

Язык А является предком языка В, если:

а) все фонемы языка В (или их подавляющее большинство) выводятся по определенным правилам из фонем языка А;

б) эти фонетические правила действуют на множестве базисной лексики языка В;

в) доля сохранившейся лексики возрастает, если берется выборка из более устойчивой части базисной лексики.

Из этого определения естественным образом вытекает определение языкового родства. Если имеются языки В и С, восходящие к языку А, то в силу условия а) большинство фонем языков В и С будут выводиться из фонем языка А, т. е. соответствовать друг другу. Эти соответствия будут соблюдаться на множестве базисной лексики языков В и С (восходящей к базисной лексике языка А), и доля общей лексики будет возрастать по мере возрастания устойчивости сравниваемой лексической выборки. Итак, языки В и С родственны друг другу, если:

а) все фонемы (или их подавляющее большинство) в языках В и С регулярно соответствуют друг другу;

б) эти фонетические соответствия действуют на множестве базисной лексики языков В и С;

в) доля общей лексики возрастает, если берется выборка из более устойчивой части базисной лексики.

Под «общей», или «сохранившейся», лексикой мы в данном случае понимаем слова, которые соответствуют друг другу фонетически и имеют одно и то же значение. Любое изменение семантики автоматически выводит слово из сравнения. Подчеркнем, что это вопрос чисто процессуальный: ясно, что слова могут менять значение, но столь же ясно, что, если при выявлении родства мы допустим неточные семантические сравнения, вероятность ошибки и погрешности чрезвычайно возрастет — поскольку очень трудно формально отделить допустимый семантический сдвиг от маловероятного или вовсе невероятного. При установлении фонетических соответствий и при составлении этимологических словарей семантически неоднозначные параллели, конечно, допустимы (и могут приниматься или отвергаться специалистами); но при определении родства с использованием стословного списка следует учитывать только случаи взаимно-однозначного семантического соответствия. Существенно здесь не то, что, например, польск. *brzuch* имеет хорошее соответствие в рус. *брюхо*, но то, что значение 'belly' ('живот') по-польски передается как *brzuch*, а по-русски — как *живот*, т. е. словом другого происхождения. То, что рус. *брюхо* может — в стилистически сниженных контекстах —

передавать значение 'belly', в данном случае не имеет значения (хотя, например, для реконструкции, безусловно, важно). Попытка учитывать подобные случаи как «совпадения в базисной лексике» привела бы к тому, что при изучении разных языковых семей разными исследователями принимались бы неизбежно разные решения по поводу того, какие слова следует, а какие не следует считать совпадающими. Соответственно результаты таких исследований оказались бы несопоставимы друг с другом.

Пункты б) и в) можно переформулировать в более общих терминах. Поскольку 35-словный список является более устойчивым подмножеством стословного, а стословный — более устойчивым подмножеством всей лексики языка, в принципе можно сказать:

б) эти фонетические соответствия действуют на некотором множестве лексики языков В и С;

в) доля общей лексики возрастает, если берется выборка из более устойчивой лексики.

Данное нами определение родства не требует непосредственного предъявления исходного языка А. Это очень существенно, поскольку реально в подавляющем большинстве случаев предок А оказывается незасвидетельствованным. Случаи типа латинского и его потомков — романских языков — весьма показательны для теории, но — из-за общей скудости древних письменных источников — редки в компаративистической практике.

IX. Гораздо чаще приходится сталкиваться с языками, которые либо вообще бесписьменны, либо получили письменность не более двух столетий назад (так называемые *младописьменные* языки). Работа с ними имеет ряд особенностей.

Во-первых, исследователю приходится иметь дело с данными, отстоящими от праязыка на тысячелетия. Естественно, языки за это время подверглись достаточно сильным изменениям, и родство их стало менее очевидным.

Во-вторых, в них часто отсутствует «канонический», нормативный вариант, существует лишь множество диалектов или даже идиолектов (т. е. территориальных или даже индивидуальных разновидностей языка), несколько отличающихся друг от друга. Ситуация отчасти упрощается, если в данном языке существует развитая фольклорная традиция: если какая-то форма или конструкция присутствует в фольклорном тексте, то все носители языка подтвердят, что так на их языке можно (или, по крайней мере, раньше можно было) сказать. К тому же язык фольклорных текстов часто бывает архаичнее того, на котором говорят в настоящее время (и, следовательно, ближе к праязыку и удобнее для сравнения).

Осложняет работу исследователя бесписьменных языков и часто встречающийся среди их носителей индивидуальный билингвизм: многие носители данного языка знают также языки сосе-

дей, так что, если эти языки похожи, даже не всегда понятно, где «кончается» один язык и «начинается» другой. Часто в подобных случаях говорят о «цепочечном родстве» или о «семьеподобных группах», к которым традиционный сравнительно-исторический метод не может быть применен. На самом деле при наличии единого критерия классификации (процента совпадений в базисной лексике) такие цепочки всегда можно представить в виде генеалогического древа.

Языки, играющие роль *lingua franca* (языков межнационального общения), испытывают сильное влияние родных языков говорящих (так, например, суахили, на котором говорят на о. Занзибар, несколько отличается от суахили, на котором говорят в Кении).

Применительно к бесписьменным языкам Австралии и Океании в качестве непреодолимого препятствия для применения сравнительно-исторического метода часто называют *табу́* (запрет на употребление имен умерших, а в ряде языков также слов, сходных с ними по звучанию): утверждается, что следование таким запретам приводит к полному обновлению словарного состава языка за очень небольшое количество лет, при этом слова хаотически заимствуются из соседних, в том числе неродственных, языков (соответственно никакого материала для сравнения не остается, и вообще ни о каком родстве говорить не приходится [см., например: Dixon, 1997]). Впрочем, сам Р. Диксон пишет, что слово, бывшее именем умершего человека, запрещается употреблять не навсегда, а только на некоторое время (например, на 10, 15 или 20 лет) [см.: Dixon, 1980]. Соответственно слово не исчезает из языка — в то время когда действует запрет, его хранят в памяти (специально, чтобы не употребить случайно), а по истечении срока табу оно может вернуться в язык.

Дж. Симонс отмечает, что вместо табуированных слов чаще всего используются средства того же языка — описательные выражения, более общие термины, синонимы и квазисинонимы, могут быть расширены (или сдвинуты) значения других слов, созданы новые композиты для выражения нужного значения; в ряде языков существуют специальные синонимы, которые используются только для замены табуированных слов. Есть языки, использующие при табуировании фонетические изменения (изменение порядка фонем или слогов, замену фонем, прибавление лишнего значения аффиксов) [см.: Simons, 1982, 171]. Заимствования из соседнего языка (неважно, родственного или нет) тоже могут быть использованы для замены табуированных слов.

В языке, где существует практика табу, всегда имеется множество синонимов. Так, в языке мисима (о. Мисима, Папуа — Новая Гвинея), где табуируются имена всех умерших и даже слова, похожие на них (и, таким образом, гости из других деревень должны

выучить, какие имена табуированы, и не употреблять их в данной деревне), существует пять слов со значением 'огонь' [там же, 203]. По наблюдению Дж. Симонса, если в языке есть синонимы, то в ситуации табу они просто меняются местами: «Пока А табуировано, употребляется Б, когда Б будет табуировано, в употребление вернется А» [там же, 191].

Другой тип табу — запрет на разговоры с некоторыми родственниками. В связи с этим в австралийских языках существует особый подязык — так называемый «тещин язык» (англ. *mother-in-law language*; термин не вполне точен, поскольку с тещей разговаривать, как правило, бывает вообще запрещено, и этот подязык употребляется при общении с другими родственниками, например со свекром). От обычного языка «тещин язык» отличается лишь лексически: вместо некоторых обычных слов в нем употребляются родовые наименования — гиперонимы. Например, в языке дирбал словом *banggarra* называется ящерица с голубым языком, словом *buynyjul* — краснобрюхая ящерица, словом *gaguju* — водяной сцинк, *bajirri* — водяная игуана, но в «тещином языке» вместо всех этих (и некоторых других) слов употребляется слово *jijan* 'ящерица'. Повседневные слова 'идти', 'ползти', 'плыть' (и другие глаголы движения) заменяются словом с наиболее общим значением 'перемещаться'.

Грамматика и фонетика «тещиного языка» практически всегда такие же, как и в повседневном языке (иногда могут быть разные местоимения).

Р. Л. Траск приводит такой пример: в одном из австралийских племен около 1950 г. умер человек по имени *Ngayunya*, в результате чего слово *ngayu* 'я' было табуировано и заменено на *nganku* (слово из «тещиного языка»). Через десять лет табуизации подверглось слово *nganku*, и одни говорящие вернули в употребление *ngayu*, другие же стали пользоваться заимствованным из английского словом *me* [см.: Trask, 1996, 41].

К сожалению, ни в исследованиях, на которых базируется Дж. Симонс, ни в его собственной анкете практически ничего не говорится о **сроках** действия табу. Но, как кажется, в большинстве случаев этот срок не вечен: так, в языке биг-намбас (северо-западная часть о. Малекула, Вануату) имена всех умерших (и слова, похожие на них) запрещаются на одно поколение, а потом могут снова войти в язык [см.: Simons, 1982, 209]. Запрет «на вечные времена» является, так сказать, «эволюционно нестабильной» стратегией, поскольку должен приводить к слишком быстрой смене словаря. Возможно (по гипотезе Дж. Симонса [там же, 195]), последствием введения такого табу должна стать ситуация, подобная той, что сложилась в языке роглай (Вьетнам), где имя, бывшее в употреблении, давать нельзя: имена являются абсолютно бессмысленными, чтобы при их табуировании не запрещались обычные слова.

Можно видеть, что все перечисленные проблемы не препятствуют применению сравнительно-исторического метода к бесписьменным и младописьменным языкам. Во всяком случае, нам неизвестна ни одна работа, где на материале таких языков демонстрировалось бы бессилие сравнительно-исторического языкознания. Ниже (см. с. 203—219) мы подробно рассмотрим пример весьма успешного применения сравнительного метода к младописьменным адыгским языкам, и таких примеров сейчас уже десятки (если не сотни).

Х. В заключение стоит остановиться еще на одном аспекте языкового родства — его очевидности. Можно заметить, что очевидность языкового родства находится в обратной связи с глубиной соответствующей семьи и соответственно с процентом совпадений в области базисной лексики (весьма близкие наблюдения см. в работе: [Яхонтов, 1980]).

1. Наиболее очевидное родство — это языковое тождество, т. е. осознание идентичности языка. При этом конкретные разновидности языка («идиомы») могут почти полностью совпадать, а могут несколько различаться, образуя диалекты или говоры. Наиболее характерной особенностью таких идиомов является довольно свободное взаимопонимание носителей. С лексико-статистической точки зрения можно утверждать, что родственные диалекты обычно имеют более 95 % совпадений в базисной лексике. Родство между диалектами (и идиолектами) в пределах одного языка можно назвать **тривиальным**.

2. Родство языков в семьях типа славянской, германской, тюркской в принципе не нуждается в специальном доказательстве: оно, как правило, очевидно для самих носителей соответствующих языков. Даже при отсутствии взаимопонимания носители распознают большое количество общих слов и знают о том, что их языки «близки». Опыт лексикостатистики показывает, что при таком родстве языки обычно имеют 75—85 % лексических совпадений и более. Такое родство мы будем далее называть **заметным**. Следует, однако, сказать, что граница между диалектами и «заметно родственными» языками размыта и подвержена влиянию социальных и политических факторов: современные китайские диалекты с лексико-статистической точки зрения составляют, скорее, несколько разных языков, а в случаях типа румынского и молдавского (или персидского и таджикского) вполне взаимопонимаемые диалекты считаются разными языками.

3. Родство языков в более глубоких семьях — индоевропейской, северокавказской, уральской, сино-тибетской и т. д. — для носителей, как правило, не очевидно. Лексикостатистика показывает, что в таких семьях процент лексических совпадений между языками-потомками составляет 15—30 %. Говорящие на русском языке не воспринимают немецкий или персидский язык как «близкие»; од-

нако у специалистов по языковой истории существование семей типа индоевропейской или уральской, как правило, сомнений не вызывает (хотя периодически возникают критические дискуссии). Родство такого типа мы будем называть **конвенциональным**.

Промежуточный случай — семьи с 40–60 % совпадений, которые в зависимости от различных факторов (например, сохранности фонологии или морфологии) могут относиться либо к этой, либо к предыдущей группе.

«Конвенциональное родство» не выходит за рамки «порога сопоставимости» [Климов, 1990, 48] — того предела, до которого «исконное генетическое доказательство достижимо в ходе непосредственного сравнения языкового материала» [там же, 49].

4. Родство в наиболее глубоких семьях (макросемьях), где уровень совпадений между современными языками колеблется около 5–10 %. Это самый трудный случай, и гипотезы о таком родстве вызывают самый глубокий раскол в среде компаративистов. Дело в том, что при таком уровне родства уже гораздо труднее установить соответствия и отличить реальные схождения от случайных совпадений, и именно здесь важнее всего иметь строгую процедуру установления языкового родства. Такое родство мы будем называть **дальним**.

Основы сравнительно-исторического метода изложены в книгах [Мейе, 1907/1938] и [Мейе, 1934/1954, 48–81] (следует, однако, отметить, что ряд положений, выдвигаемых А. Мейе, устарел).

Методика компаративистики подробно обсуждается в предисловии В. А. Дыбо к первому тому ностратического словаря В. М. Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч, 1971], а также в предисловии к книге [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. На материале индоевропейских языков вопросы методологии сравнительно-исторического языкознания рассматриваются, в частности, в сборнике [Вопросы..., 1956].

Из наиболее новых зарубежных учебников по сравнительно-историческому языкознанию можно назвать [Lehmann, 1992], [Trask, 1996], [Hock, Joseph, 1996], а также фундаментальный труд [Joseph, Janda (eds.), 2003]. Не утратила значимости и книга [Anttila, 1989].

Кроме того, компаративистическая проблематика так или иначе затрагивается во многих учебниках по общему языкознанию, см., например: [Маслов, 1987], [Шайкевич, 1995]; ср. также такие классические работы, как [Блумфилд, 1933/1999], [Бодуэн де Куртенэ, 1963], [Вандриес, 1937], [Пауль, 1880/1960], [Сепир, 1934], [Соссюр, 1931/1977]. Различным вопросам сравнительно-исторического языкознания посвящены статьи в [ЛЭС, 1990]. Далее в списках рекомендуемой литературы эти работы специально указываться не будут.

Различным вопросам компаративистики посвящены статьи в сборниках [Сравнительно-историческое изучение языков..., 1977; 1981; 1982; 1988; 1989; 1991].

Принятая в настоящем учебнике теория языкового родства кратко излагается в статье [Старостин С., 1999].

Проблемы, связанные со сравнительно-историческим исследованием бесписьменных и младописьменных языков, рассматриваются в статье [Порхомовский, 1989].

Проблематике табу посвящены, в частности, обстоятельная статья [Simons, 1982] и часть книги [Dixon, 1980]; см. также [Tuite, Schulze, 1998].

Двухсотсловный список М. Сводеша, первоначально предложенный им для глоттохронологических подсчетов [см.: Сводеш, 1960, 35–37]:

all	все (о количестве)	dry	сухой
and	и (союз)	dull	тупой (нож)
animal	животное	dust	пыль
ashes	зола	ear	ухо
at	у (предлог)	earth	земля (почва)
back	спина (человека)	to eat	есть (принимать пищу)
bad	плохой (вредный или оскорбительный)	egg	яйцо
bark	кора	eye	глаз
because	потому что	to fall	падать
belly	живот	far	далеко
berry	ягода	fat	жир (органическое вещество)
big	большой	father	отец
bird	птица	to fear	бояться
to bite	кусать	feather	перо
black	черный	few	мало
blood	кровь	to fight	сражаться
to blow	дуть	fire	огонь
bone	кость	fish	рыба
breathe	дыхание	five	пять
to burn	гореть	to float	плыть
child	ребенок (о возрасте)	to flow	течь
cloud	облако	flower	цветок
cold	холодный	to fly	летать
to come	приходить	fog	туман
to count	считать	foot	ступня
to cut	резать	four	четыре
day	день (а не ночь)	to freeze	замерзать
to die	умирать	to give	давать
to dig	копать	good	хороший
dirty	грязный	grass	трава
dog	собака	green	зеленый
to drink	пить		

guts	кишки	new	новый
hair	волосы	night	ночь
hand	рука	nose	нос
he	он	not	не
head	голова	old	старый
to hear	слышать	one	один
heart	сердце	other	другой
heavy	тяжелый (по весу)	person	лицо (человек)
here	здесь	to play	играть
to hit	ударить	to pull	тянуть
to hold	держат (в руке)	to push	толкать
how	как?	to rain	идти (о дожде)
to hunt	охотиться	red	красный
husband	муж (супруг)	right	верный (точный)
I	я (местоимение)	right	правый
ice	лед	river	река
if	если	road	дорога
in	в (предлог)	root	корень
to kill	убивать	rope	веревка
to know	знать	rotten	гнилой
lake	озеро	to rub	тереть
to laugh	смеяться	salt	соль
leaf	лист (дерева)	sand	песок
left	левый	to say	сказать
leg	нога	to scratch	чесать (кожу при зуде)
to lie	лежать	sea	море
to live	жить	to see	видеть
liver	печень	seed	семя (зерно)
long	длинный	to sew	шить
louse	вошь	sharp	острый (как нож)
man	мужчина	short	короткий
many	много	to sing	петь
meat	мясо	to sit	сидеть
mother	мать	skin	кожа (человека)
mountain	гора	sky	небо
mouth	рот	to sleep	спать
name	имя	to smell	нюхать
narrow	узкий	smoke	дым
near	близко	smooth	гладкий
neck	шея	snake	змея

snow	снег	tree	дерево
some	несколько	to turn	поворачивать (менять направление)
to spit	плевать	two	два
to split	расщеплять	to vomit	рвать (тошнить)
to squeeze	сжать (сдавить)	to walk	ходить (пешком)
to stand	стоять	warm	теплый (погода)
star	звезда	to wash	мыть
stick	палка	water	вода
stone	камень	we	мы
straight	прямой	wet	мокрый
to stub	вонзять	what	что?
to suck	сосать	when	когда?
sun	солнце	where	где?
to swell	распухать	white	белый
to swim	плыть	who	кто?
tail	хвост	wide	широкий
that	тот	wife	жена (супруга)
there	там	wind	ветер
they	они	wing	крыло
thick	толстый	to wipe	вытирать
thin	тонкий	with	с (сопровождение)
to think	думать	woman	женщина
this	этот	woods	леса
thou	ты	worm	червяк
three	три	you	вы
to throw	бросать	year	год
to tie	завязывать	yellow	желтый
tongue	язык		
tooth	зуб		

Тридцать наиболее устойчивых слов (по А. Б. Долгопольскому): ‘вода’, ‘вошь’, ‘вы’, ‘глаз’, ‘гнида’, ‘звезда’, ‘зима’, ‘знать (кого/что)’, ‘зуб’, ‘имя’, ‘кровь’, ‘кто’, ‘мертвый’, ‘месяц’, ‘мы’, ‘не (отрицательное)’, ‘не (запретительное)’, ‘ноготь’, ‘ночь’, ‘рог’, ‘сердце’, ‘слеза’, ‘снег’, ‘солнце’, ‘соль’, ‘ты’, ‘ухо’, ‘что’, ‘я’, ‘язык’.

?

1. Дайте онтологическое и гносеологическое определение языкового родства.
2. Чем может быть обусловлено сходство между языками?
3. Почему при определении языкового родства лексика имеет преимущество перед грамматикой?
4. Что такое «базисная лексика»?

5. Применим ли сравнительно-исторический метод к бесписьменным языкам?

1. Современные индоевропейские языки сохраняют около 50 % слов, реконструируемых для праиндоевропейского языка. Между любыми двумя из них обнаруживается около 30 % совпадений в стословном списке. Почему число совпадений между языками-потомками оказывается меньшим, чем число слов, унаследованных любым из них от языка-предка?

2. Значения слов из стословного списка М.Сводеша и их русских переводов не всегда одинаковы. Следует ли из этого, что, сравнивая, например, русский и английский языки при помощи стословного списка, нельзя получить адекватный результат, поскольку сопоставляемые слова имеют нетождественную семантику? Как можно добиться, чтобы отсутствие полного семантического тождества между сравниваемыми словами разных языков не сказывалось на результатах сравнения? Предложите несколько способов и укажите преимущества и недостатки каждого из них.

ГЛАВА 1.2

ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

I. Неизбежность языковых изменений. — II. Языковая избыточность как основа языковых изменений. — III. Фонетические изменения. — IV. Морфологические изменения. — V. Синтаксические изменения. — VI. Лексические изменения. — VII. Объяснение причин отдельных языковых изменений.

I. При определении языкового наследования мы говорили, что фонемы, морфемы и лексемы последующего языкового состояния должны **выводиться** из фонем, морфем и лексем предыдущего. Зададимся теперь вопросом: не могут ли они не **выводиться**, а просто **совпадать**? Иными словами, неизбежны ли языковые изменения? Не существует ли неизменяемых языков?

Вся лингвистическая практика заставляет однозначно утверждать, что таких языков не существует. Нет ни одного засвидетельствованного в памятниках языка, который не претерпел бы существенных изменений хотя бы за тысячу лет своего развития (разумеется, мы не говорим здесь о мертвых языках, которые не изменяются просто в силу того, что на них никто не говорит). Изменения зафиксированы даже в языке эсперанто, который был создан искусственно (причем совсем недавно — в 1887 г.!), но стал функционировать как естественный язык, причем изменения эти происходят «естественным путем», т.е. в непосредственном употреблении, а не по указанию каких-либо инстанций. Следовательно, изменчивость — глубинное и универсальное свойство языка. Чер-

ты, недавно (по сравнению с другими чертами) возникшие в языке в результате изменений, называются **инновациями**.

II. Возможность (и неизбежность) языковых изменений вытекает из самой сущности языка как информационного кода, обеспечивающего взаимопонимание между людьми. Для адекватной передачи информации язык должен обладать существенным свойством информационного кода, а именно **избыточностью**.

Действительно, в любой момент времени в языке имеется столько элементов, что каждый идиолект может выбрать себе часть из них (и пользоваться этим как полноценной коммуникативной системой!) и еще «много всего» останется. Язык можно представить в виде следующей схемы (схема 1.2.1):

Схема 1.2.1

В виде такой схемы может быть изображен как язык в целом, так и любой его подязык и даже отдельный идиолект.

Наличие в языке избыточности — следствие того факта, что эта коммуникативная система функционирует в сообществе биологических организмов, а они не бывают полностью идентичными (не только друг другу, но и самим себе в различные моменты времени), в том числе и в том, что необходимо для общения. Поэтому система коммуникации, лишенная избыточности, в случае с биологическими организмами потерпела бы полный крах: ни один из коммуникантов не смог бы добиться точного воспроизведения заданного эталона (и тем самым все время «промахивался» бы — либо просто «мимо кода», либо попадая в другой сигнал). Кроме того, развитая система коммуникации, лишенная избыточности, потребовала бы чудовищных затрат на обучение ей новых поколений. Поэтому в ходе эволюции имеет шанс выжить и воспроизвестись лишь та коммуникативная система, которая является избыточной: в этом случае даже при неполном, неточ-

ном воспроизведении эталона коммуникация может быть успешной (ср. у Р.Келлера: при произнесении сообщения «требуется ровно столько артикуляционной энергии, чтобы вынудить адресата к конкретной идентификации. Однако пытаться достичь именно этой степени точности было бы рискованной стратегией, так как даже крошечная нехватка сигнальной негэнтропии означала бы крах коммуникативного действия. Поэтому в общении мы работаем с запасом» [Келлер, 1997, 194]).

И действительно, у самых разных существ — от насекомых до человека — коммуникативная система обладает свойством избыточности. Избыточность языка — как и любого информационного кода — способствует взаимопониманию. При наложении шума на основной сигнал некоторые смыслоразличительные признаки могут быть затерты (нейтрализованы); но наличие дополнительных (несмыслоразличительных) признаков все же позволяет однозначно интерпретировать сообщение. Так, при разговоре шепотом на английском языке глухость-звонкость, естественно, нейтрализуется, однако дополнительная аспирация глухих согласных все же позволяет различать минимальные пары типа *bet* — *pet* и т. п.

В каждой избыточной системе есть «люфт» — тот уровень неточности воспроизведения эталона, при котором коммуникация еще не нарушается (для птиц и млекопитающих даже проводились эксперименты по оценке величины этого «люфта»); было выяснено, что до определенного уровня неточности коммуникация почти не страдает, но при выходе за его рамки ее успешность падает скачкообразно [см.: Попов, Чабовский, 1995]). На схеме, приведенной выше, этому соответствуют «понимаемая, но неиспользуемая часть», а также «потенциально понятная часть». Первая из них оценивается как близкая к эталону, вторая — как далекая от него.

Границы этого «люфта» (по крайней мере, для человеческого языка) могут изменяться: так, например, слово *óнако* (‘назад, обратно, наоборот’), известное любому носителю древнерусского языка, для носителей современного русского языка явно лежит за пределами понятности. Собственно, развитие языка заключается в том, что при передаче его из поколения в поколение меняется представление о том, что «ближе к эталону», что «дальше от эталона». То, что уходит все дальше в зону «дальше от эталона», со временем оказывается за границами «люфта».

В основе развития языка лежит противоборство двух тенденций, имеющих у любого индивида, вступающего в коммуникацию: стремления быть понятным (причем не только в данный момент, но и в будущем) и стремления «не перетруждаться».

Первое из них заставляет говорящего использовать те языковые средства, которые употребительны в его социуме, — это обеспечивает преэминентность языка. Таким образом, получается, что

члены социума «корректируют» друг другу представление о языке (т.е. о том, что ближе к эталону, а что дальше от него).

В силу этого каждое новое поколение говорящих ориентируется на то, как говорит предыдущее. (Мы не рассматриваем здесь случаи «языкового бунта» — стремления говорить во что бы то ни стало не так, как предшествующие поколения, — это стремление порождает молодежные жаргоны, которые не являются понятными для носителей языковой нормы, а по мере взросления молодежи сходят на нет так же, как и проявления поведенческого бунта — ношение отличной от общепринятой одежды, причесок и т.д. Заметим, впрочем, что единственное отличие «языкового бунта» от нормальной преемственности языка состоит в том, что здесь право на корректировку признается за членами другой социальной группы.)

Стремление же «не перетруждаться» приводит к тому, что полное воспроизведение языка, принятого в данном социуме, оказывается недостижимым: поскольку для приемлемой коммуникации достаточно попасть в границы «люфта» (вернее, в границы зоны «близко к эталону»), необходимости в дальнейшем совершенствовании нет. Впрочем, при смене социума может смениться и оценка близости к эталону тех или иных языковых средств, и тогда идиолект говорящего претерпит некоторые изменения (многие замечали — если не за собой, то за другими, — как после коммуникации с некоторыми людьми «приклеиваются» некоторые словечки, интонации, конструкции; для выражения уже известных и как-то выражавшихся ранее смыслов начинают использоваться другие языковые средства). Человек, прочитавший о том, что форма *звóнит*, привычная ему с детства, неправильна, а надо говорить *звонít*, через некоторое время может обнаружить, что форма *звóнит* «режет ему слух».

Эта тенденция обеспечивает изменение языка и — при разном развитии в разных частях ареала — возникновение родственных языков путем распада языка-предка.

Существуют два типа избыточности. «Парадигматическая» избыточность проявляется в том, что многие элементы языка несут одинаковую или очень сходную смысловую нагрузку (некоторые из них могут быть — в рамках языкового выражения — заменены на другие без существенного ущерба для смысла этого выражения). «Синтагматическая» избыточность проявляется в том, что одна и та же информация в языковом выражении может многократно дублироваться.

Парадигматическая избыточность пронизывает все уровни языка. В лексике существуют синонимы (например, в русском языке — *лингвистика* и *языкознание*). Один и тот же смысл может быть выражен словом и словосочетанием (например, *компаративистика* и *сравнительно-историческое языкознание*). Одно и то

же морфологическое значение может быть передано при помощи разных аффиксов (например, во многих тюркских языках существует два показателя каузатива — суффиксы *-Vr-* и *-tVr-*, в латыни значение номинатива мн.ч. может передаваться окончаниями *-ae*, *-i*, *-es* и др.). В синтаксисе для описания одной и той же ситуации может быть использовано несколько различных конструкций (ср., например, *Чайковский написал «Лебединое озеро»* и *«Лебединое озеро» было написано Чайковским*). На фонетическом уровне можно найти примеры, когда разные реализации фонемы в одинаковых контекстах признаются равноправными (или почти равноправными) вариантами нормы (например, в немецком языке допустимо как переднеязычное, так и заднеязычное *r*).

Разумеется, различия между такими вариантами есть практически всегда. Служебные морфемы, как правило, бывают распределены в зависимости от структуры основы, просодических характеристик, семантики и т.д. (например, упомянутые выше латинские окончания номинатива принадлежат разным типам склонения). Синонимы и произносительные варианты могут иметь стилистические или регистровые различия (например, *лицо* или *пóхороны* — нейтральные слова, а *физиономия* и *похорóны* или *похоронá* — просторечные). То же касается синонимичных синтаксических конструкций (например, *Мы читали лекции* — нейтральное выражение, а *Нами были прочитаны лекции* — допустимое только в официально-деловом стиле), фонетических вариантов (например, в немецком языке заднеязычное *r* — стандартный вариант, а переднеязычное расценивается как принадлежащее сценическому языку), а иногда и аффиксов (например, в русском языке приставка *из-* со значением удаления во многих случаях осознается как элемент высокого стиля, ср. *изгнать* и *выгнать*). Кроме того, языковые средства, способные заменять друг друга в высказывании, могут различаться оттенками значения, прагматическими компонентами, а также степенью употребительности.

Но для понимания сути языковых изменений важно прежде всего именно существование контекстов (ситуаций), когда один из таких элементов может быть заменен другим без ущерба для коммуникации.

Приведем теперь примеры того, как одна и та же информация может передаваться несколько раз в одном и том же языковом выражении.

1. У всех фонем есть как основные, так и дополнительные признаки. Так, русские твердые согласные являются не только непалатализованными, но еще и веларизованными; во многих языках глухие согласные произносятся напряженно, а звонкие — ненапряженно. Тем самым информацию о качестве согласного слуша-

ющий получает дважды: при помощи основного признака и при помощи дополнительного.

2. Информация, достаточная для опознания слова по звуковому облику, включает в себя его общую длину, просодический контур, несколько гласных и согласных звуков, следующих друг за другом в определенном порядке. Соответственно можно воспроизводить какие-то элементы слова более четко, какие-то — менее, и это не приведет к нарушению взаимопонимания, поскольку какая-то информация о звуковой форме данного слова все же будет передана.

3. То или иное падежное значение может быть выражено не только собственным падежным окончанием, но и предлогом, ср., например, рус. *в Ростове, в Муроме* и др.-рус. *Ростовѣ, Моуромѣ* (с тем же значением): в современном русском языке местное значение выражается как окончанием предложного падежа, так и предлогом *в*.

4. В предложении информация о субъекте действия, прямом объекте (а иногда и других актантах) может быть продублирована в глаголе. Например, в русском предложении *Я читаю* первое лицо и единственное число субъекта выражены дважды — при помощи местоимения и при помощи глагольного окончания.

При сочетании языковых единиц эти единицы могут приобретать дополнительные, контекстно-обусловленные, признаки, передавая тем самым информацию не только о самих себе, но и о своем окружении. Приведем наиболее характерные примеры.

1. В английском языке глухие согласные в начале слова обычно произносятся с довольно сильной аспирацией, хотя противопоставления придыхательных-непридыхательных согласных в этом языке не существует. Признак придыхательности не является различительным и тем самым избыточен. Он, однако, сигнализирует о начале слова, а потому оказывается полезным при разного рода помехах в связи (например, при телефонном разговоре).

2. В большинстве языков мира согласные в положении перед передними гласными (*i, e*) палатализуются (т.е. передняя часть языка сближается с твердым нёбом), хотя фонологической палатализации в них может и не быть.

3. Переднерядные варианты аффиксов в тех языках, где есть сингармонизм, сигнализируют о том, что они принадлежат слову, корень которого содержит гласный переднего ряда.

4. Во многих языках определение повторяет некоторые характеристики определяемого слова (например, число, падеж и одушевленность).

Проиллюстрируем теперь, как избыточность обеспечивает осуществление языковых изменений.

III. При передаче языка из поколения в поколение всякий раз встает проблема интерпретации дифференциальных признаков

фонем. Ребенок, воспринимающий речь от своих родителей, должен обучиться как основным различиям (типа глухости-звонкости), так и дополнительным (типа напряженности-ненапряженности). Однако он вполне может посчитать дополнительный признак основным, и наоборот. Характерно, что при этом не нарушится взаимопонимание, поскольку произношение останется, в сущности, **тем же самым**, изменится лишь **мнение** ряда говорящих о том, какой из признаков более важен. Действительно, как показывает практика, в большинстве подобных случаев родители и дети даже не осознают, что в языке произошло какое-либо изменение. Необходимо несколько поколений, чтобы звонкие согласные, потерявшие фонологическую звонкость (т. е. ставшие глухими ненапряженными), потеряли — в результате все менее четкого воспроизведения «неглавного», т. е. в некотором смысле «лишнего», признака — и звонкость фонетическую.

Для языков с длинными словами характерны редукция гласных (прежде всего, в конечной позиции, в заударных и дальних предупредительных слогах), выпадение срединных согласных и т. п. Взаимопонимание при этом не нарушается, поскольку оставшейся части слова по-прежнему будет достаточно для того, чтобы не перепутать его с другими словами (или точнее: число возникших при этом омонимов не приведет к сильному падению успешности коммуникации). Если в процессе подобных (или каких-либо других) изменений большая часть слов в языке будет сокращаться до одного слога, в нем могут параллельно развиваться слоговые тоны — они позволяют увеличить разницу между словами (и уменьшить число омонимов). Если же, напротив, язык переходит от преобладания односложных слов к преобладанию многосложных, тоны в нем могут утратиться.

Изменения в звуковом строе языка бывают как чисто фонетическими (затрагивающими только способ произнесения фонем, но не фонологическую систему как таковую), так и фонологическими, изменяющими сам фонемный инвентарь. Чаще всего (хотя и не всегда) сначала происходят фонетические изменения, а впоследствии их результаты фонологизируются. Например, для древнерусского языка был характерен так называемый «слоговой сингармонизм» (слог мог содержать либо мягкие согласные и передний гласный, либо твердые согласные и непредельный гласный), и за различение слогов «отвечали» гласные, ср. [mat'ɨ] (< праслав. **mati*) 'мать' и [m'æt'ɨ] (< праслав. **me̯ti*) 'мать'; потом пали редуцированные, и мягкость согласных была фонологизована. Конечные гласные в ряде случаев отпали, и слова *мать* и *мять* стали произноситься как [mat'] и [m'æt']. Поскольку качество слога теперь однозначно определялось согласными, ряд гласных стал нефонологичен, и гласный *æ* выпал из системы (перестал быть фонемой).

Таким образом, фонологизация может не только закреплять какие-либо уже осуществившиеся изменения, но и вызывать новые (системные) изменения.

Фонетические изменения бывают **позиционными** (т.е. такими, которые осуществляются лишь в некоторых контекстах) и **спонтанными** (т.е. осуществляющимися во всех фонетических позициях). Так, в вышеприведенном примере переход $*t > t'$ перед передними гласными является позиционным, а переход $*æ > a$ — спонтанным.

Разные типы фонетических изменений приводят к возникновению различных видов регулярных фонетических соответствий между языком-предком и языком-потомком:

Язык-предок	Язык-потомок
Звук	Звук
Два звука	Один звук
Один звук	Два звука
Звук	Ноль звука
Ноль звука	Звук
Два звука	Два звука в другом порядке

Некоторые из этих изменений имеют названия: превращение звука в ноль звука называется **выпадением** или диэрезой, обратный процесс — **вставкой**, протезой или эпентезой, перестановка звуков — **метатезой**.

IV. В процессе развития языка меняется его грамматическая система: появляются новые служебные морфемы и отмирают старые, изменяются значение и сочетаемость морфем.

Процесс возникновения грамматических показателей из лексических источников, а также дальнейшего развития этих показателей называется **грамматикализацией** (термин впервые употреблен А. Мейе [см.: Meillet, 1912, 131]).

На формальном уровне грамматикализуемые единицы постепенно утрачивают автономность (т.е. происходит их «морфологизация»): бывшее полнозначное слово превращается сначала в служебное, затем, теряя собственное ударение, в клитику и, наконец, в аффикс. Такой путь прошли, например, показатели будущего времени в романских языках, развившиеся из латинской конструкции с глаголом *habeo* ‘иметь’, имевшей должностное значение. Русская частица *бы* в форме сослагательного наклонения (*дал бы* и т.п.) восходит к форме вспомогательного глагола *быть* (II–III л. ед.ч. аориста) в составе аналитической формы плюсквамперфекта.

Кроме того, при грамматикализации слово постепенно сокращается фонетически (утрачивает как отдельные фонемы, так и целые слоги), теряет просодические характеристики (ударение, тон),

упрощается его морфологическая структура, теряется синтаксическая свобода, меняется семантика. Ср., например, постепенное превращение английского вспомогательного глагола будущего времени в конструкции типа *He is going to do it* 'он собирается сделать это' (букв. 'он идет сделать это') > *He's gonna do it* из исходной трехморфемной последовательности *go-ing to* в нечленимую *gonna* с сильной морфологической и фонетической редукцией.

Грамматическая эволюция обычно однонаправлена: существительные обычно превращаются в послелогои, полнозначные глаголы — во вспомогательные и т. д. При этом полноударные слова превращаются в клитики, а затем и в аффиксы. Так, существительное со значением 'спина' может стать служебным словом 'сзади', глагол 'идти к чему-л.' — показателем будущего времени и т. п.

Изредка встречается и обратная эволюция. В книге [Bybee et al., 1994, 13–14] приводится пример ирландского показателя I лица множественного числа *-mid/-muid*, который, оставшись единственным суффиксом в глагольной парадигме (вместо остальных суффиксов употреблялись самостоятельные местоимения), со временем также приобрел возможность употребляться автономно. Отчасти близкий к этому случай — выделение в самостоятельное слово англ. *bus* 'автобус' (< лат. *-ibus*, окончание дательного падежа в слове *omnibus* 'общественное транспортное средство', букв. 'всем, для всех') и т. п. Однако в целом такие примеры крайне редки и несистематичны и представляют собой отдельные исключения из общего принципа однонаправленности (англ. *unidirectionality*) грамматикализации.

В ходе развития языка изменению подвергаются не только грамматические формы, но и выражаемые ими значения и противопоставления.

Когда некоторая языковая единица приобретает способность использоваться во всех подходящих по смыслу контекстах (даже в случае избыточности), значимым становится и ее отсутствие. Так, если некоторое слово, указывающее на прошедшее время, начинает употребляться даже в тех случаях, когда отнесенность события к прошлому ясна и без него, его отсутствие интерпретируется как указание на непроедшее время.

В результате меняется вся система, поскольку другие значения оказываются противопоставленными не только друг другу, но и вновь возникшему. Например, при формировании будущего времени оппозиция «действие в прошлом — действие не в прошлом» сменяется оппозицией «действие в прошлом — действие в настоящем — действие в будущем».

В процессе семантического развития грамматической формы за ней может закрепиться дополнительное значение, которое часто сопутствует основному. Например, за конструкциями с 'хо-

ть' или 'должен' часто закрепляется значение будущего времени, поскольку утверждение о том, что некто хочет/должен сделать что-либо, в большинстве случаев подразумевает, что через некоторое время это действие будет выполнено. Так, в болгарском языке сформировалось аналитическое будущее время, выражаемое конструкцией с глаголом 'хотеть' (например: *ще взема* 'я возьму', *vlakът ще пристигне* 'поезд придет').

Грамматикализовавшаяся языковая единица претерпевает дальнейшие изменения семантики. Так, показатель следования во времени ('после') может приобрести причинное значение ('вследствие'), поскольку ситуация, имевшая место ранее некоторой другой ситуации, достаточно часто бывает ее причиной (ср., например, англ. *since* 'с тех пор как' > 'поскольку'). Совершенный вид, чаще всего использующийся для описания ситуаций, которые имели место в прошлом и завершились к моменту повествования, тем самым легко может быть переинтерпретирован как прошедшее время — и категория вида трансформируется в категорию времени фактически незаметным для носителей языка образом. Впоследствии первичное значение может отмереть (т.е. языковая единица претерпит сдвиг значения).

Пути развития грамматических значений часто изображаются в виде так называемых **семантических карт**, на которых между значениями устанавливаются связи, позволяющие объяснить как синхронную полисемию грамматических показателей, так и последовательность возникновения новых значений (см., например, семантическую карту модальных значений в работе [Auwera, Plungian, 1998]).

Грамматические значения могут не только возникать, но и утрачиваться — в том случае, если формы, ранее противопоставленные, начинают употребляться как взаимозаменяемые, ср., например, упомянутый выше переход перфектных форм к выражению значения простого прошедшего времени с утратой противопоставления значений перфекта и претерита. Утрата грамматических категорий происходит постепенно, и категории, находящиеся на завершающих стадиях этого процесса, обладают целым рядом специфических особенностей [ср.: Плунгян, 2002].

Отсутствовавшие ранее в языке грамматические формы могут возникать в результате перестройки существующей в языке системы морфологических пропорций (например, для русского языка: *ежик* : *ежиками* = *телевизор* : *телевизорами* = *разговор* : *разговорами* и т.д.; *учить* : *учитель* = *писать* : *писатель* и т.д.). Каждый человек, овладевающий родным языком, строит пропорции заново, основываясь на том, что он слышит от других носителей языка, и дополняя их осваиваемыми словами: *ежик* : *ежиками* = *телевизор* : *телевизорами* = *разговор* : *разговорами* = *тиранозавр* : ? — построена будет форма *тиранозаврами*. Но иногда дополнение пропорций

может отличаться от принятого ранее. Так, в современном польском языке как атематические спрягаются все глаголы, соответствующие русским глаголам на *-ать/-аю*, ср. I л. ед.ч. *znam*, II л. — *znasz*, III л. — *zna* и т.д. Формы типа *znasz, zna* возникли из *znajesz, znaje* вследствие упрощения $V_1jV_2 > V_1$. Далее «с переходом *aje* в *a* морфологическая пропорция *dasz : znajesz = dam : znaje* превратилась в «неравенство» *dasz : znasz ≠ dam : znaje*, затем в «уравнение» *dasz : znasz = dam : ?* и, наконец, в новую пропорцию *dasz : znasz = dam : znam* [Иткин, 1998, 104–105].

Включение в пропорции новых элементов, входивших ранее в другие пропорции, может приводить к унификации парадигм. Так, в современном русском языке, по сравнению с древнерусским, уменьшилось число склонений: пропорции (1) Им.п. : Род.п. = *князь : князя = конь : коня = ...* (склонение на **o*-краткое, мужской род, мягкая разновидность) и (2) Им.п. : Род.п. = *голубь : голуби = гость : гости = ...* (склонение на **i*-краткое, мужской род) были объединены в одну: *князь : князя = конь : коня = голубь : голубя = гость : гостя = ...*; то же произошло и с некоторыми другими пропорциями.

Подобным же образом может осуществляться и экспансия словообразовательных средств. Так, в истории русского языка прилагательные на *-ий* от названий людей постепенно вытесняются образованиями с суффиксом *-ск(ий)*, ср. *пастушеский* и более книжное *пастуший*, *вражеский* и высокое *вражий*, *княжеский* и устаревающее *княжий*, *человеческий* и *человечий* и т.д. Словообразовательная пропорция *пастух : пастуший = враг : вражий = ...* сменяется пропорцией *пастух : пастушеский = враг : вражеский = ...*, прежние же образования постепенно оттесняются на языковую периферию.

Кроме того, «какой-нибудь элемент может приобрести значение, поскольку он случайно появился в одном или многих словах с резко выделяющимся значением... например, суффикс *-tro-*, образующий слова среднего рода, вначале обозначал в греческом языке орудие, средство, как и в других индоевропейских языках: $-D@JD@$ «плуг» как *arā-tru-m* (лат. — С.Б., С.С.), $F6\textcircled{U}BJD@$ «палка» из $F6ZBJgFh$ "4 «опираться»; также $8bJD@$ «средство освободиться, выкуп» из $8bT$ «развязывать, освобождать», $hDXBJD$ " (мн.ч.) «вознаграждение за воспитание» из $JDXnT$ «воспитываю». Оба последних производных слова придали суффиксу значение, относящееся к вознаграждению, плате, а отсюда этот суффикс (вместе со своими синонимами $-F-h8@-$ и $-hD@-$) стал служить главным обра-

¹ Здесь и далее в латинских и греческих словах указывается долгота гласных, не обозначаемая в орфографии. Древнеиндийские слова (кроме особых случаев) приводятся в том виде, в каком они приведены в словаре [Кочергина, 1987]; для глаголов по традиции указывается форма III л. ед.ч. наст.вр. Термины «древнеиндийский» и «санскрит» употребляются как синонимы.

зом для образования имен существительных с этим основным значением: З"-JD@-< 'гонорар врача' (ЖV@: "4 'лечу'), 6` : 4F-JD@-< 'вознаграждение за перевоз или за спасение' (6@:\.Т 'несу'), : Z<L-JD@-< 'плата за донос' (: 0<LT 'доносить'), <"Lh8@< 'цена за переезд на судне' (<"LH 'судно') и т.д.» [Пизани, 1947/2001, 96].

Иногда новый суффикс может возникнуть в результате переразложения. В. Пизани приводит (со ссылкой на Ману Лейманна) такой пример: итальянский суффикс *-reccio* выделился при соотношении *pāstōr-icius* 'пастушеский' (образованного так же, как *praetōr-icius* 'преторский', *aedil-icius* 'эдилский' и т.д.) с *pāstus* 'пастбище'. Это послужило основой для образования *camporeccio* 'полевой' от *campo* 'поле', *villareccio* 'сельский' от *villa* 'село', *caprareccio* 'козий' от *capra* 'коза' и т.д. [там же, 108]. Похожие примеры можно найти и в русском языке: так, слово *алкоголик*, образованное от слова *алкоголь* (< арабск. *al-koḥl* 'порошкообразная сурьма' через нем. *Alkohol* или голл. *alkohol*), было переосмыслено как двукорневое: *алк-о-гол-ик*. В результате стало возможно использовать «второй корень» для образования нового слова — *трудоголик* ('человек с патологическим пристрастием к труду', ср. англ. *workaholic* 'тж.', первый корень — *work* 'работа'), а «первый» — для образования таких слов, как *алкаш*.

Видимо, появление подобных примеров может быть объяснено тем, что людям свойственно стремление вычленив в близких по значению словах общий элемент формы, а в словах созвучных усмотреть сходное значение.

V. Если синтаксическая информация дублируется, часть средств ее выражения можно — без нарушения понятности — опустить. Например, из предлога и падежного окончания оставить только предлог, из местоимения и личного показателя в глаголе — только глагольный показатель (или, наоборот, только местоимение). Если существует несколько конструкций, служащих для выражения одного и того же смысла, можно выбрать одну из них в качестве основной, тогда вторая со временем может выйти из употребления. Например, когда пассивная конструкция с творительным падежом, обозначающим деятеля, начинает преобладать над активной конструкцией с именительным падежом, творительный падеж превращается в эргативный, а винительный утрачивается вовсе.

При утрате падежных показателей один из допустимых в языке порядков слов начинает преобладать над всеми остальными, поскольку именно он становится основным носителем информации об актантной структуре. Таким образом происходит переход от «свободного» порядка слов (т.е. такого, который выражает прагматические характеристики высказывания, как, например, в русском и многих других индоевропейских языках) к «жесткому» (т.е. такому, который передает определенные грамматические отношения, как, например, в английском или китайском).

VI. При существовании синонимов каждый идиолект может выбирать любой из них в качестве основного (остальные при этом попадают в зону понятного, но неупотребительного). Если в какой-то момент окажется, что для выражения некоторого значения в подавляющем большинстве идиолектов используется не тот из синонимов, что был основным раньше, можно констатировать факт лексической замены. Так, в русском языке в течение длительного времени основным наименованием для органа зрения было слово *oko* (унаследованное от праславянского языка). Потом появилось слово *glaz* (первоначально имевшее значение 'шарик, камешек', ср. польск. *glaz* 'валун, большой камень'). До тех пор пока в большинстве идиолектов слово *glaz* квалифицировалось как понятное, но неупотребительное (возможно, сниженное, просторечное), основным словом для 'глаза' оставалось *oko*. Когда же больше стало таких идиолектов, где в качестве основного средства выражения этого понятия стало выступать слово *glaz*, а слово *oko* начало считаться чересчур высоким, неуместным в бытовой речи, понятным, но неупотребительным, произошла лексическая замена. При глоттохронологических подсчетах (см. гл. 2.1) именно слово *glaz*, а не слово *oko* будет элементом стословного списка для современного русского языка.

Употребление слов в новых контекстах и/или утрата возможности употребления в старых контекстах приводят к изменениям значения.

Например, если слово, обозначавшее 'кисть руки как активный орган' (и противопоставлявшееся обозначению верхней части руки как анатомического отдела, ср. значения англ. *hand* и *arm*, нем. *Hand* и *Arm*), начнет употребляться не только в контекстах типа «брать X-м», «шить X-м», но и в контекстах типа «работать X-м», «воздевать X», а впоследствии и в контекстах типа «брать под X», оно станет обозначать всю руку целиком (подобно рус. *рука*). В этом случае для обозначения кисти руки будет использоваться другое слово (например, заимствованное или претерпевшее сдвиг значения), слово же, обозначавшее верхнюю часть руки ('*arm*'), может просто выпасть из языка [см.: Дыбо А., 1996, 57, 112].

Значение 'голова' у немецкого слова *Kopf* (это слово было заимствовано в германские языки из латыни и первоначально значило 'чаша, ваза, горшок', ср. англ. *cup* 'чашка') «впервые появляется в имеющихся в нашем распоряжении текстах конца Средних веков, в тех текстах, где описываются батальные сцены и где речь идет о том, как разбивают чью-то голову» [Блумфилд, 1933/1999, 482].

Когда появляется новый объект, о котором достаточно часто говорят, для него возникает наименование. Оно может быть однословным или неоднословным, заимствованным или незаимствованным, созданным при помощи словообразовательных средств

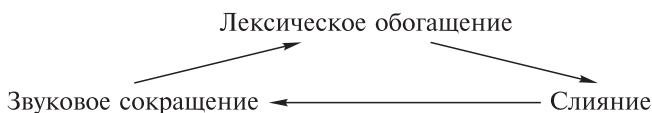
или путем расширения значения ранее существовавшего слова. Этот объект необязательно должен быть неизвестным ранее предметом (типа, например, бумеранга или искусственного спутника), вполне возможен случай, когда нечто, и ранее присутствовавшее в жизни языкового сообщества, вдруг начинает быть предметом обсуждения и размышлений. Так, например, слово *снисходительность* появилось в русском языке в XIX в., но весьма вероятно, что проявления снисходительности были известны носителям русского языка и до этого времени, хотя и не осознавались как нечто особое, требующее отдельного названия.

Если же, напротив, некоторый объект выходит из употребления, его название постепенно забывается.

Такие процессы вызывают изменение всей лексической системы, поскольку меняется не только количество смыслов, для выражения которых в языке существуют специальные наименования, но и соотношения между означаемыми.

Кроме того, лексические изменения могут обуславливаться фонетическими причинами: если значительная часть звуков, составлявших некоторое слово, выпадает, для выражения соответствующего смысла все чаще начинают употребляться либо слова, производные от этого, либо словосочетания. Впоследствии такое производное слово (или стянувшееся словосочетание) может полностью заменить исходное. Так, например, в испанском языке слово *comer* ‘есть’ (< лат. *comedere* ‘съесть’) вытеснило рефлекс лат. *edere* ‘есть’. По регулярным правилам лат. *edere* должно было развиваться в исп. **er*, т. е. совпасть с глагольным окончанием, так что корень ‘есть’ оказался бы в испанском языке нулевым. В результате происшедшей замены корнем, обозначающим принятие пищи, стала в испанском языке морфема *com-* (бывшая в латыни приставкой), ср. *comida* ‘еда’. В истории французского языка латинское *hodiē* (< *hoc diē* ‘в этот день’) ‘сегодня’ сначала сократилось до старофранц. *hui*, потом заменилось на сочетание *au jour d'hui* (букв. ‘в день сегодня’), совр. франц. *aujourd'hui* ‘сегодня’. В работе [Келлер, 1997, 197] приводится такой круг лексических изменений (схема 1.2.2):

Схема 1.2.2

Еще одной из причин лексических замен является стремление избежать омонимии. Например, в тех диалектах французского языка, где в результате закономерных фонетических изменений совпали рефлекс лат. *gallus* ‘петух’ и *cattus* ‘кот’, в качестве назва-

ния для петуха стали использоваться (постепенно вытеснив исконное слово) рефлексы лат. *pullus* ‘цыпленок’, *vicārius* ‘помощник, заместитель’ или различные формы слова ‘фазан’ (< лат. *phāsīānus*), выступавшие первоначально в качестве переносных обозначений петуха. Гипотезу о том, что фактором лексической замены в данном случае послужила именно омонимия, подтверждает тот факт, что граница между диалектами, сохранившими рефлекс лат. *gallus*, и диалектами, утратившими его, в точности совпадает с границей между теми диалектами, где конечное *-l* сохраняется, и теми, где оно переходит в *-t*: в первых рефлекс лат. *gallus* и *cattus* различаются, во вторых — совпадают (см.: Блумфилд, 1933/1999, 433 со ссылкой на Ж. Жильерона).

VII. Рассмотрев вопрос о природе языковых изменений вообще, перейдем к вопросу о причинах конкретных изменений в отдельных языках. В качестве таких причин называли условия жизни (рельеф, климат и т. п.), экономию речевых усилий, подражание произношению авторитетных лиц, субстраты, но не существует ни одного общепринятого объяснения какого-либо конкретного изменения ни одним из этих факторов.

Отметим прежде всего, что вопрос о том, почему произошло то или иное изменение, имеет, по крайней мере, три различных аспекта.

1. Почему результат изменения был именно таким (наиболее распространенное понимание)?

2. Почему изменению подверглись именно данные элементы языка?

3. Почему изменение произошло именно тогда, а не раньше, если условия для него уже имелись в течение достаточно длительного времени?

Соответственно различаются и ответы.

1. Ответом служит описание **условий** изменения с большей или меньшей степенью артикуляторно-акустических (для фонетических изменений) или иных подробностей. Так, в качестве объяснения, почему в славянских языках **к* перешло в *ч*, называется тот факт, что передние гласные, перед которыми происходило это изменение, вызывали упреждение артикуляции. Объяснением того, почему языковые средства, использовавшиеся ранее для обозначения завершенности действия, впоследствии стали выражать значение прошедшего времени, служит следующее рассуждение: формы, обозначающие завершенное действие, чаще всего используются для описания ситуаций, имевших место в прошлом (т. е. завершившихся к моменту повествования), и тем самым легко могут быть переинтерпретированы как формы прошедшего времени.

При современном уровне развития лингвистической теории подобрать (post factum!) такого типа объяснение практически для любого мыслимого изменения не составляет труда. Следует, од-

нако, понимать, что при наличии одинаковых (или, по крайней мере, весьма сходных) условий в разных языках могут происходить **разные** изменения (например, *k перед передними гласными может переходить не только в ċ, но и в c, ś, s и др., формы перфекта могут практически вытеснить из употребления простое прошедшее время, как в немецком языке, а могут, как в английском, мирно с ним сосуществовать).

2. Этот вопрос, по-видимому, изучен на сегодня наиболее слабо.

В качестве возможного ответа на него можно, по-видимому, привести некоторые системные соображения. Так, в современном русском языке наиболее «уязвимыми» для изменений являются плавные /л/ и /р/: именно их «не выговаривает» довольно большая часть носителей (когда те, кто умеет произносить их так, как сейчас считается правильным, окажутся в меньшинстве, можно будет говорить о совершившемся фонетическом изменении). И именно их место в системе определено наименее жестко: действительно, если, например, для фонемы /т'/ уровень допустимой неточности очень невысок (при недостаточно четкой палатализации слушатель может перепутать /т'/ с /т/, при недостаточно выдержанной смычке — с /с'/, при слишком длинной рекурсии — с /ч/, при перемене места образования — с /п'/, /к'/, при недостаточном размыкании голосовых связок — с /д'/ и т. д.), то для обоих плавных он гораздо выше: /л/ и /р/ должны быть всего лишь твердыми неносовыми сонантами, отличающимися друг от друга (можно заметить, что у большинства людей, «не выговаривающих» ни /л/, ни /р/, полного совпадения двух этих звуков все же не происходит).

В языках, где много неодносложных основ, можно ожидать выпадения интервокальных согласных, поскольку их небрежное произнесение (а впоследствии и полная утрата) не ведет к появлению большого числа омонимичных форм и тем самым к затруднению коммуникации.

В. Я. Плоткин приводит такой пример из истории английского языка [см.: Плоткин, 1976, 80–87]. В середине II тыс. н. э. система гласных в английском языке приобрела следующий вид:

Краткие		Долгие	
<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ī</i>	<i>ū</i>
<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ē</i>	<i>ō</i>
			<i>ei</i>
		<i>ǣ</i>	<i>ā</i>
		<i>ai</i>	<i>au</i>
<i>a</i>		<i>ā</i>	

Поскольку долгих гласных стало больше, чем кратких, и они соответственно встречались в речи гораздо чаще, оказалось воз-

можным произносить их менее тщательно, не воспроизводя в точности всех артикуляторных признаков (краткость же гласных стала подчеркиваться специально — резким приступом следующего согласного [там же, 1976, 67]). Как следствие, именно долгие гласные подверглись изменению — так называемому Великому Сдвигу Гласных (англ. Great Vowel Shift):

$\bar{i} > ai$	<i>time</i> ‘время’	$\bar{u} > au$	<i>loud</i> ‘громкий’
$\bar{e} > \bar{i}$	<i>keep</i> ‘держать’	$\bar{o} > \bar{u}$	<i>moon</i> ‘луна’
$\bar{g} > \bar{e}$	<i>beat</i> ‘бить’	$\bar{\alpha}, \bar{\omega} > \bar{o}$	<i>hope</i> ‘надежда’, <i>snow</i> ‘снег’
$ai, \bar{a} > \bar{g}$	<i>tail</i> ‘хвост’, <i>tale</i> ‘сказка’	$au > \bar{\alpha}$	<i>draw</i> ‘тянуть’

Видно, что большинство гласных сдвинулось по подъему на одну ступень вверх. Исключение составляют гласные верхнего подъема: они превратились в дифтонги. Это связано, по мнению В.Я. Плоткина, с тем, что долгие гласные можно было отличать от кратких несколькими способами: (1) по длительности; (2) по тому, что они несколько более узкие, чем краткие, особенно к концу; (3) до некоторого времени можно было отличать гласные еще и по закрытости-открытости слога: если слог закрытый, то гласный краткий, и наоборот. Когда же, после падения неударных гласных, большинство слогов стали закрытыми, гласные стали различаться по конечному сужению: если гласный на конце сужается, то он долгий, если нет — то краткий. И тогда сузились все долгие гласные, кроме гласных верхнего подъема: поскольку возможности для реального сужения на конце у них не было, то в качестве альтернативы ему у верхних гласных было расширено начало.

То, какие именно элементы языка подвергнутся изменению, может быть обусловлено влиянием контактирующих языков. Так, например, высказывается следующая гипотеза о причинах исчезновения потенциалиса в вепсском языке (см. с. 60): то, что из всех глагольных наклонений было утрачено именно это, связано, по-видимому, с реинтерпретацией вепсской грамматической системы под влиянием русского языка, в котором есть все имеющиеся в вепсском наклонения, кроме потенциалиса.

Таким образом, можно сказать, что языковые изменения делаются на внешние, вызванные тем или иным воздействием на языковой коллектив и через него на язык, и внутренние, обусловленные собственной структурой языка.

3. На этот вопрос полного ответа нет. Действительно, трудно понять, почему при наличии условий, вызывающих изменения, эти изменения долгое время оставались неосуществленными (например, почему передние гласные, следовавшие за заднеязычными согласными в течение тысяч лет существования праиндоевро-

пейского языка, вдруг стали вызывать палатализацию во многих — но не во всех! — языках-потомках).

Можно указать лишь некоторые факторы, которые могут провоцировать изменения. Прежде всего, это контакты с другими языками — достаточно интенсивные, т.е. такие, при которых в условиях чрезвычайного распространения билингвизма многие черты могут проникать из одного языка в другой. Так, в индоарийских языках под влиянием дравидийских возникли церебральные согласные (см. с. 10). В части уральских языков базовый порядок слов сменился с SOV (подлежащее — дополнение — сказуемое) на SVO (подлежащее — дополнение — дополнение) под влиянием контактировавших с ними языков.

Во многих случаях изменения в одних частях языковой системы выступают в роли «спускового крючка» для изменений в других ее частях. Так, отпадение конечных гласных нередко способствует разрушению падежной системы, что в свою очередь может приводить к изменениям в глагольном управлении, появлению жесткого порядка слов и т.д. Рассмотрим в качестве примера историю английского глагола ‘нравиться’. В древнеанглийском глагол *lician* управлял, как и его русский эквивалент, дательным падежом («что нравится кому»), но после отпадения конечных гласных (изменение фонетического уровня) падежи существительных совпали между собой (изменение морфологического уровня). В результате в большинстве употреблений конструкция «кому — *lician* — кто/что» перестала формально отличаться от переходных конструкций типа «кто — побеждает — кого» и сама была переосмыслена как переходная (синтаксическое изменение), получив возможность употребляться с местоимениями им.п. (**кому** нравится) и вин.п. (**кто/что** нравится), ср., например, совр. англ. *I like him* (не **Me like he*) ‘Он мне нравится’.

Более всего заметна обусловленность одних изменений другими в том случае, когда и те и другие происходят в рамках одной подсистемы.

Так, например, фонемы в языке образуют систему, и если в результате какого-то изменения эта система стала «неэкономной», она будет стремиться к «экономному» состоянию.

Возможно, подобными причинами был обусловлен переход $e > \text{ö}$ в истории русского языка. Система гласных, образовавшаяся после падения редуцированных и фонологизации мягкости согласных, была несимметричной:

и/ы у

h

е/о

а

Для гласных верхнего подъема огубленность была дифференциальным признаком, для гласных среднего подъема — нет. После перехода *e > ѓ* (не перед мягкими согласными) и последующей утраты ятем дифтонгического характера (т.е. его перехода в *e*) система приобрела современный вид:

и/ы		у
	е	о
	а	

Каждый из этих гласных в современном русском языке может встречаться как после любых твердых, так и после любых мягких согласных (ср. *мыл* и *мил*, *лук* и *люк*, *мол* и *мёл*, *мал* и *мял*). Единственным исключением до недавнего времени был гласный *e*: он мог встречаться только после мягких согласных и шипящих, что делало систему несимметричной, поскольку после одних твердых согласных *e* встречалось, а после других — нет. И постепенно в русском языке возникает (за счет заимствований) *e* после всех твердых согласных, ср. *тема* [т'эма] и *теннис* [тэн'ис], *кофейник* [каф'эйн'ик] и *кафе* [кафэ]; появились даже минимальные пары, ср., например, *метр* [м'этр] 'мера длины' и *метр* [мэтр] 'учитель, кофей'

В греческом языке второй половины I тыс. н. э. после того, как глухие придыхательные перешли в глухие фрикативные, а звонкие смычные — в звонкие фрикативные, оказалось, что система несимметрична:

p	t	k
f v	θ ð	x (

Фрикативные оказались противопоставленными по звонкости-глухости, в то время как смычные могли быть только глухими. Тогда начала формироваться система звонких смычных: бóльшая их часть проникла в греческий язык с заимствованиями (ср., например, [b] в слове :В" <" <" [banana] 'банан'), но некоторые появились в исконных словах в результате различных фонетических преобразований.

Заметим, впрочем, что, как писал Ф. де Соссюр, «всякое изменение сказывается в свою очередь на системе, но исходный факт затрагивает лишь одну ее точку; он не находится ни в какой внутренней связи с теми последствиями, которые могут из него проистечь для целого» [Соссюр, 1916/1977, 120].

Невозможность определить момент, когда то или иное изменение должно произойти, связана с общим механизмом языковых изменений: поскольку изменения в принципе **могут** происходить, естественно ожидать, что наступит такой момент времени, когда

они произойдут, но невозможно в точности угадать, **когда** этот момент наступит (так же, как при многократном бросании монеты естественно ожидать выпадения орла, но предсказать в точности момент, когда это произойдет, невозможно).

Таким образом, можно видеть, что проблема причин языковых изменений чрезвычайно сложна: всякое отдельное изменение обусловлено множеством факторов, точный «вес» которых не поддается измерению. Как пишет Р.Келлер, «языковые изменения (в принципе) объяснимы на основе законов. Но их нельзя спрогнозировать, и не потому, что законов не хватает, а потому, что нельзя предсказать выполнение предпосылок» [Келлер, 1997, 141].

Механизмам языковых изменений посвящена обширная литература. Помимо перечисленных выше (см. гл. 1.1) общих работ упомянем также специально посвященные разработке теории языковых изменений книги [Келлер, 1997], [Croft, 2001], [Lass, 1980]. Большое количество примеров языковых изменений собрано в книге [Серебренников, 1974]; следует, однако, отметить, что выводы автора спорны.

Не менее обширная литература посвящена теории грамматикализации, бурно развивающейся в последнее время. Упомянем здесь лишь несколько наиболее важных работ: [Bybee et al., 1994] (крупнейшее на сегодняшний день систематическое исследование типологии диахронического развития категорий глагола, в котором подробно рассматриваются и теоретические аспекты процесса грамматикализации); [Lessau, 1994] (словарь по грамматикализации, суммирующий основные теоретические достижения); [Heine et al., 1993] (обзор путей развития грамматических значений, засвидетельствованных в языках мира); см. также: [Lehmann, 1995], [Hopper, Traugott, 1993]. На русском языке основные идеи теории грамматикализации обсуждаются в работах [Сумбатова, 1994], [Плунгян, 1998], [Майсак, 2000].

О синтаксических изменениях см. статью [Козинский, Соколовская, 1984].

Проблематике типологии семантических изменений посвящена статья [Зализняк Анна А., 2001].

Рассмотрим отрывок из «Поучения Владимира Мономаха» (XII в.). Текст приводится в нормализованной записи; акцентуация дана в реконструкции А.А.Зализняка [Зализняк А.А., 1985, 158], знак | разделяет тактовые группы, знак || — предложения, знаком $\bar{\quad}$ отмечается принадлежность тактовой группы к разряду энклименов (см. с. 220):

Тура мя дѣва | метала $\bar{\quad}$ на рознхъ | и съ коньмъ || олень мя | одинь | бо́ль || а дѣва лоси | одинь | ногами | тьпгьталь | а другии | рогама́ | бо́ль || вѣпрь ми | на бедрѣ | мѣчь $\bar{\quad}$ отьтяль || медвѣдь ми | у колѣна | подьклада | укусилъ || лютыи звѣрь | скочиль | къ мьнѣ $\bar{\quad}$ на бедра | и конь | съ мьною | повѣрже || и богъ | невреженá мя | съблюде́ ||

Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня

с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня моего опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым.

(Перевод Д. С. Лихачева, XX в.)

1. Что обеспечивает возможность языковых изменений?
 2. Какими факторами могут вызываться языковые изменения?
 3. Приведите примеры фонетических изменений.
4. Приведите примеры морфологических изменений.
 5. Приведите примеры синтаксических изменений.
 6. Приведите примеры лексических изменений.

1. Проанализируйте приведенный отрывок из «Поучения Владимира Мономаха» и отметьте те изменения (на всех уровнях языка), которые произошли в русском языке с XII до XX в.
2. Австралийский лингвист Р. Диксон сформулировал теорию «прерывистого равновесия» (англ. *punctuated equilibrium*), согласно которой язык может вообще не изменяться в течение долгих промежутков времени (порядка десяти тысяч лет), а затем скачкообразно начать развиваться и разделяться. Почему подобное невозможно?

ГЛАВА 1.3

РЕГУЛЯРНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

I. Природа регулярных фонетических соответствий. — II. Типы регулярных фонетических соответствий. — III. Решающая роль закономерности различий. — IV. Отклонения от регулярности и особые правила для них. — V. Нарушения регулярности фонетических соответствий и их причины.

I. Установление регулярных фонетических соответствий — важнейший компонент доказательства языкового родства. В случае отсутствия регулярных фонетических соответствий между сравниваемыми языками их родство не может считаться доказанным.

Проще всего наблюдать регулярные фонетические соответствия на материале заметно родственных языков. Рассмотрим русские и украинские слова:

Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
<i>гора</i>	<i>гора</i>	<i>груша</i>	<i>груша</i>
<i>дуга</i>	<i>дуга</i>	<i>горько</i>	<i>горько</i>

Их звучание не совсем одинаково: по-разному произносятся *г*. Тем не менее вряд ли кто-нибудь усомнится, что это «одни и те же» слова (с точки зрения их происхождения): известно, что «украинцы всегда вместо *г* говорят *h*».

В тех случаях, когда известен праязык, можно видеть, что регулярные соответствия возникают в результате различного раз-

вития в разных языках звуков языка-предка. Рассмотрим романские примеры:

Лат.	Ит.	Исп.	Порт.	Франц.	Перевод
<i>hominem</i>	<i>uomo</i>	<i>hombre</i>	<i>home</i>	<i>homme</i> [ɔm]	‘человек’
<i>operārium</i>	<i>operaio</i>	<i>obrero</i>	<i>obreiro</i>	<i>ouvrier</i> [uvrje]	‘рабочий’
<i>caballārium</i>	<i>cavallaio</i>	<i>caballero</i>	<i>cavaleiro</i>	<i>chevalier</i> [ʃvalje]	‘всадник’
<i>pāstōrem</i>	<i>pastore</i>	<i>pastor</i>	<i>pastor</i>	<i>pâtre</i> [patr]	‘пастух’
<i>patrem</i>	<i>padre</i>	<i>padre</i>	<i>padre</i> (религ.)	<i>père</i> [pɛr]	‘отец’
<i>mātrem</i>	<i>madre</i>	<i>madre</i>	<i>madre</i> (религ.)	<i>mère</i> [mɛr]	‘мать’
<i>bovem</i>	<i>bue</i>	<i>buey</i>	<i>boi</i>	<i>bœuf</i> [bœf]	‘бык’
<i>capram</i>	<i>capra</i>	<i>cabra</i>	<i>cabra</i>	<i>chèvre</i> [ʃɛvr]	‘коза’
<i>canem</i>	<i>cane</i>	—	<i>cão</i>	<i>chien</i> [ʃjɛ]	‘собака’
<i>tempus</i>	<i>tempo</i>	<i>tiempo</i>	<i>tempo</i>	<i>temps</i> [tā]	‘время’

Латинские слова приведены в форме аккузатива единственного числа (так принято в работах, посвященных эволюции романских языков, поскольку, во-первых, форма аккузатива позволяет продемонстрировать вид основы, не затемненный преобразованиями, происходящими в номинативе, а во-вторых, считается, что романские рефлексy в многих случаях продолжают именно форму аккузатива).

Слово ‘собака’ в испанском языке было заменено лексемой другого происхождения.

Видно, что в каждом из приведенных выше языков, возникших из народной латыни, развитие происходило по некоторым четким правилам. Так, например:

- 1) согласные *p* и *t* в начале слова сохраняются во всех языках;
- 2) согласный *p* в неначальной позиции (не после *m*) сохраняется в итальянском, но озвончается в *b* в испанском и португальском, а во французском переходит в *v*;
- 3) согласный *t* в неначальной позиции озвончается в итальянском, испанском и португальском, а во французском выпадает, за исключением случаев, когда он находился в сочетании с предшествующим *-s-* (ср. *pāstōrem*).

Фрагмент системы соответствий между романскими языками будет выглядеть следующим образом:

Лат.	Ит.	Исп.	Порт.	Франц.
<i>p-</i>	<i>p-</i>	<i>p-</i>	<i>p-</i>	<i>p-</i>
<i>-p-</i>	<i>-p-</i>	<i>-b-/-p-</i>	<i>-b-/-p-</i>	<i>-v-/-Ø-</i>
<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>
<i>-b-</i>	<i>-v-</i>	<i>-b-</i>	<i>-v-</i>	<i>-v-</i>

На этом примере мы наблюдаем, как после распада исходного языка (в нашем случае — народной латыни) языковое развитие приводит к возникновению системы **регулярных фонетических соответствий** между родственными языками-потомками. Каждое такое соответствие отражает некоторую фонему исходного языка (праязыка) в определенной позиции, и, следовательно, система соответствий между родственными языками отражает систему фонем праязыка.

Поскольку развитие звуков в родственных языках заключается в том, что в некоторый момент носители одного языка стали вместо некоторого звука X произносить (по крайней мере, в некоторых позициях) звук Y, а носители другого вместо того же звука X стали произносить (по крайней мере, в некоторых позициях) звук Z (и таким образом возникло соответствие Y — Z), звуковые соответствия между родственными языками всегда будут регулярными и не будут зависеть от значения слов.

II. Регулярные фонетические соответствия могут быть разделены на несколько типов. Первый тип — взаимно-однозначные соответствия, как, например, рус. *z* — укр. *z*.

Второй тип соответствий можно назвать соответствиями-дроблениями: на приведенном романском примере можно видеть, что различные звуки языков-потомков развились из звуков, представлявших одну фонему праязыка и находившихся в дополнительном распределении (т. е. одна праязыковая фонема «раздробилась», или, как иногда говорят, «расщепилась», на несколько в языке-потомке).

Чтобы показать, что имеет место соответствие-дробление, необходимо установить дополнительное распределение между несколькими звуками одного языка, соответствующими одному звуку другого. Обратимся опять к украинскому и русскому языкам:

Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
<i>просто</i>	<i>просто</i>	<i>воля</i>	<i>воля</i>
<i>концовка</i>	<i>кінцівка</i>	<i>задворки</i>	<i>задвірки</i>
<i>подобный</i>	<i>подібний</i>	<i>кот</i>	<i>кіт</i>

Нельзя сказать, что в украинском языке «*i*» всегда замещает русское «*o*»: «*i*» вместо «*o*» произносится не «вообще всегда», а всегда в так называемом новозакрытом слоге (т. е. слоге, ставшем закрытым после падения редуцированных): **подобьн-* > укр. *подібн-*,

**котъ* > укр. *kit*. В этом случае налицо дополнительное распределение украинских *o* и *i*, соответствующих русскому *o*. Можно сказать, что украинские *o*, *i* и русское *o* восходят к одной фонеме праязыка (даже если будущие украинские *o* и *i* произносились в праязыке по-разному, это были аллофоны одной фонемы: они находились в дополнительном распределении). В современном украинском языке *o* и *i* являются разными фонемами: морфологические выравнивания, заимствования и переход в *o* и *i* рефлексов других гласных сильно изменили первоначальную картину, и дополнительное распределение может быть установлено лишь для тех *o* и *i*, которые соответствуют русскому *o* и не подверглись действию позднейших процессов.

Третий тип регулярных фонетических соответствий — соответствия-совпадения. Сравним еще несколько русских и украинских слов:

Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
<i>лыко</i>	<i>лико</i>	<i>высокий</i>	<i>високий</i>
<i>когистый</i>	<i>кігистий</i>	<i>лист</i>	<i>лист</i>

И русскому *u*, и русскому *ы* в этих примерах соответствует украинское *u* (читается [y]). При этом никаких правил распределения *ы* и *u* в русском языке нет (есть даже минимальные пары, например, твор. п. *ликом* и *лыком* — твердость/мягкость согласных, обеспечивающая различие этих слов в современном русском языке, есть результат влияния гласных **ы* и **u*). Очевидно, в праязыке гласные, давшие в русском *u* и *ы*, различались, а в украинском языке они совпали: **ы* > *u*, **u* > *u*.

Для того чтобы решить, с каким типом соответствий мы имеем дело в конкретном случае, надо попытаться установить правило распределения. Если это удастся, значит, в праязыке на этом месте была одна фонема, если же не удастся — это не значит ничего: вполне возможно, что через некоторое время (возможно, с накоплением новых данных, возможно, с появлением другой гипотезы и т. д.) правило будет сформулировано.

III. Установить регулярные фонетические соответствия можно и между языками, праязык которых не засвидетельствован письменными памятниками. Правда, в этом случае нельзя пользоваться такими терминами, как «сохраняется» и «переходит», поскольку неизвестно, какой звук является исходным — тот, который имеется в одном из языков, тот, который имеется в другом, или же ни один из них. Пока нет реконструкции праязыка, можно говорить лишь о том, что звуки сравниваемых языков **соответствуют** друг другу.

Специально отметим, что сходство звуков между собой при установлении регулярных фонетических соответствий никакой роли не играет.

Для доказательства родства важно не сходство, а закономерность различия [ср.: Мейе, 1934/1954, 32].

Так, слово *biyoa* ‘вода’ из австронезийского языка реджанг гораздо больше похоже на яванское *banyu*, чем на малайское *air*, но тем не менее генетически связано с последним — оба они возводятся к праформе **waSiγ*; яванское же слово к **waSiγ* восходить не может (пример принадлежит Ю. Х. Сирку).

Обратимся опять к романскому материалу, который представляет собой удобную модель для демонстрации методов компаративистики, поскольку утверждения, основанные на фактах современных романских языков, можно проверить данными латыни. На первый взгляд между испанским *hecho* [éço] и французским *fait* [fɛ] ‘дело, факт’ нет никакого сходства. Но если сопоставить французские и испанские слова, похожие на *fait* и *hecho*, а также их эквиваленты в других романских языках, то можно заметить, что различия между ними регулярны:

Франц.	Исп.	Ит.	Порт.	Перевод
<i>fait</i>	<i>hecho</i>	<i>fatto</i>	<i>feito</i>	‘факт’
<i>lait</i>	<i>leche</i>	<i>latte</i>	<i>leite</i>	‘молоко’
<i>huit</i>	<i>ocho</i>	<i>otto</i>	<i>oito</i>	‘восемь’
<i>nuit</i>	<i>noche</i>	<i>notte</i>	<i>noite</i>	‘ночь’

Системное различие не может быть случайным, следовательно, слова *fait* и *hecho* родственны друг другу. И действительно, данные латинского языка подтверждают такое предположение: все приведенные романские формы восходят к латинским словам, содержащим звуко сочетание *-ct-*, ср. лат. *factum* ‘факт’, *lactem* ‘молоко’, *octō* ‘восемь’, *noctem* ‘ночь’ (существительные приведены в форме аккузатива).

IV. При установлении фонетических соответствий «регулярностью» нередко считается просто достаточно высокая частотность. В связи с этим возникает вопрос о непогрешимости фонетических соответствий — один из «вечных вопросов» сравнительно-исторического языкознания. Допустимы ли исключения из фонетических правил, и если да, то не подрывает ли это пункта (а) в гносеологическом определении родства (см. с. 15)? Или в другой формулировке: если фонетические соответствия между родственными языками могут быть нерегулярными, то не означает ли это, что родство недоказуемо, поскольку нерегулярные соответствия заведомо можно установить между любыми языками?

Отсутствие полной регулярности в соответствиях между родственными языками было замечено уже первыми индоевропейцами. Так, было известно, что германским звонким согласным обычно соответствуют древнеиндийские звонкие придыхательные (например, гот. *baír-* ‘нести’ — др.-инд. *bhar-*, гот. *brōþar* ‘брат’ —

др.-инд. *bhrātar*), но в некоторых словах — непридыхательные звонкие согласные (например, гот. *bind-* ‘связывать’ — др.-инд. *bandh-*), древнеиндийским глухим смычным (*p, t, k*) в германском иногда соответствуют глухие фрикативные (*f, þ, h*), а иногда — звонкие (*b, d, g*) и т.д. Но лишь в 1860–1870-х гг. были предприняты первые попытки систематического анализа этих нерегулярностей. Г. Грассман [Grassmann, 1862] обнаружил, что соответствия типа герм. *b* — др.-инд. *b* могут быть объяснены как следствие происходящей в древнеиндийском диссимилиации придыхательных: **bh... dh* > *b... dh*. Такая же диссимилиация имеется в редуцированных формах настоящего времени, ср., например, *dādāti* III л. ед.ч. от *dā-* ‘давать’ и *dadhāti* III л. ед.ч. от *dhā-* ‘ставить, класть’. Закон диссимилиации придыхательных (характерный не только для санскрита, но и для древнегреческого языка) получил название **закона Грассмана**.

Правило распределения германских глухих фрикативных и звонких сформулировал в 1877 г. К. Вернер.

Герм.	Др.-инд.	Рус.	Герм.	Др.-инд.	Рус.
гот. <i>broþar</i>	<i>bhrātar</i>	<i>брат</i>	гот. <i>fadar</i>	<i>pitár</i>	(‘отец’)
д.-в.-н. <i>swehur</i>	<i>śváśura</i>	<i>свёкор</i>	д.-в.-н. <i>swigar</i>	<i>śvaśrú</i>	<i>свекрѡвь</i>

При предположении о том, что древнеиндийский сохраняет старое место ударения, получается, что индоевропейские глухие смычные дали в германском звонкие в позиции после безударного гласного, но глухие фрикативные в других позициях [см.: Verneer, 1877]; это правило было названо **законом Вернера**. Закон Грассмана, закон Вернера, как и ряд других законов, открытых приблизительно в то же время, послужили основой для выдвижения в конце XIX в. фундаментального тезиса сравнительно-исторического языкознания о безысключительности фонетических изменений:

«Всякое фонетическое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направление фонетического изменения у всех членов языкового коллектива всегда одинаково, если не считать случая диалектного разделения, и все слова, заключающие подверженный изменению звук в одинаковых условиях, подчиняются ему безо всякого исключения» [Osthoff, Brugmann, 1878] (цит. по: [Мейе, 1907/1938, 460]).

Этот принцип был положен в основу сравнительно-исторического метода, разработанного в рамках направления, называемого **младограмматизмом**, и не потерял своего значения до сих пор.

V. Но помимо таких мнимых исключений, объясняемых правилами, встречаются и настоящие нарушения регулярности фонетических соответствий. Действительно, в языке, как и в любой

системе, возникшей естественным путем, практически не бывает стопроцентно вероятных событий. Таким образом, есть определенная вероятность, что регулярные фонетические соответствия в некоторых словах будут нарушены. На практике всякому компаративисту известны случаи спорадических отклонений от регулярных соответствий, объясняемые различными причинами, а зачастую и никак не объясняемые (причина нерегулярности вполне может быть не установлена).

Можно указать несколько типов случаев, когда фонетические соответствия с высокой вероятностью будут нарушаться.

1. Ономатопоэтические, звукосимволические и тому подобные слова. Например, в болгарском языке праславянское слово со значением 'мычать' развилось в *муча* с у после *м* (поскольку мычание коровы представляется скорее как [му], чем как [мы]), в то время как обычно праслав. *у [ы] дает в болгарском *и*, а не *у*, ср. *дим* 'дым', *риба* 'рыба', *сит* 'сытый' и т. п. Древнеяпонское слово *рапа* 'мать' развилось в современном японском языке не в **hawa*, как должно было бы быть по правилам фонетического развития, а в *haha*, — видимо, то, что это слово состоит из двух одинаковых слогов, оказалось более важным, чем стандартное правило развития интервокального *p*. Точного определения ономатопоэтических слов не существует, нет и сходства во мнениях, какое слово следует считать ономатопоэтическим или звукосимволическим, а какое — нет. На звукосимволический характер слова может указывать наличие в том же языке еще нескольких слов похожей фонетической структуры и сходной семантики, не находящихся в регулярном морфологическом соотношении ни с данным словом, ни между собой [см.: Блумфилд, 1933/1999, 266–268]. Таковы, например, бурятские слова *балсайха* 'быть толстым, массивным', *балтагар* 'толстый и неуклюжий; растопыренный', *балдайха* 'становиться толстым, толстеть, тучнеть', *балдагар* 'толстый и приземистый (о человеке)', *балхайха* 'опухать, расплываться; раздуваться', *балбайха* 'быть пухлым, полным; расширяться в объеме', где *-йха* — глагольный показатель, *-гар* — суффикс прилагательных (суффиксы *-са-*, *-та-*, *-да-*, *-ха-* и *-ба-*, которые могли бы обуславливать различия в значении между приведенными словами, в бурятском отсутствуют) [см.: Дыбо А., в печати].

Отметим специально, что «звукосимволичность» является свойством не значения, а конкретного слова в конкретном языке — слова с одним и тем же значением могут в одном языке развиваться как звукосимволические, а в другом — нет (например, русское *мычать* развивалось, в отличие от болгарского *муча*, как обычное, не ономатопоэтическое слово), слова могут вторично включаться в звукосимволические ряды (по-видимому, именно так обстоит дело в бурятском [там же]) и, наоборот, утрачивать «звукосимволичность».